

7 (129)

МАЙ
2011

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайтов sfj.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ОН ОБЛАДАЛ ДЕРЗНОВЕНИЕМ, СМЕЛОСТЬЮ И СВОБОДОЙ

Международная конференция «Христианская культура: библеистика, богословие, философия, литература, искусство», посвященная памяти знаменитого ученого, академика РАН Сергея Аверинцева (†2004), прошла 26–27 апреля в Москве.

В течение двух дней в стенах РГГУ и СФИ звучали доклады отечественных и зарубежных ученых — филологов, переводчиков, искусствоведов, библеистов, религиоведов. Программа конференции строилась по принципу сочетания тех направлений в культуре и гуманитарной науке, которые разрабатывал наш выдающийся современник — человек энциклопедических знаний, филолог, культуролог, библеист, литературовед, поэт, переводчик Сергей Сергеевич Аверинцев.

Открыли конференцию Дмитрий Бак, проректор РГГУ по научной работе, и профессор-священник Георгий Кочетков, ректор СФИ.

Говорить об Аверинцеве и трудно — в силу масштаба его личности, и легко, поскольку все, чем занимался этот человек, сходится в каком-то едином фокусе, отметил Дмитрий Бак. Аверинцев был одним из тех, кто в конце 1980-х — начале 1990-х вывел научное знание за пределы аудиторий. «Помню, что творилось в Москве во второй половине 1980-х, когда Аверинцев получил возможность высказываться на публике: его лекции, выступления вызвали немислимый энтузиазм». Аверинцев — человек учительной культуры, — подчеркнул Дмитрий Бак.

Профессор-священник Георгий Кочетков назвал два важнейших качества Сергея Аверинцева, дающих ключ к пониманию его личности — энциклопедизм и церковность. Он обладал дерзновением, смелостью и свободой, свойственными церковному человеку, и в то же время был способен общаться с людьми независимо от их веры, духовного опыта и даже знаний. Отец Георгий назвал Сергея Сергеевича богоискателем, в том смысле, что в его богослужбных и библейских переводах, вообще во всем, что он делал, — проявился настоящий поиск Бога. Эту жажду богооткровения и богопознания Аверинцев пронес через всю свою жизнь.

Пленарное заседание «С.С. Аверинцев: богословие культуры нашего времени» открыло выступление профессора Женевского университета Жоржа Нива, посвященное поэтическим переводам Сергея Сергеевича. Для Аверинцева процесс перевода стихотворения на новый язык был, по его мнению, сродни перевоплощению актера: переведенное стихотворение становится фактом иного языка и культуры (иногда даже слишком сильно), привнося в то же время в этот язык чуждость, инаковость элементов языка, на котором оно создано. Молитва швейцарского святого Николая из Флюэ: «Господи, освободи меня от меня» стала своеобразным девизом переводческой деятельности Аверинцева. В то же время ему удавалось избежать другой крайности — буквализма, ибо поэзия не может быть только буквой, но призвана быть и буквой, и духом.

Окончание темы на с. 6–7

УЗКИЙ ПУТЬ ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ

Интервью о проблемах первого этапа катехизации с проф.-свящ. Георгием Кочетковым, зав. кафедрой миссиологии, катехетики и гомилетики, ректором СФИ

— Традиция святоотеческой катехизации сейчас чаще всего существует в церковном сознании как нечто академическое. А конференция предполагается хотя и академическая, но одновременно и практическая. В каком формате, на Ваш взгляд, в этом

обсуждении смогут участвовать те, кто не пытался возродить систему святоотеческой катехизации в своей личной пастырской, катехизаторской практике?

— Я полагаю, что все эти вопросы и все эти градации носят довольно условный характер. Что значит академическая и практическая? Вопросы катехизации не могут быть только абстрактными, так же как они не могут быть только внешне деловыми, слишком практическими. Катехизация всегда есть явление духа и смысла, и поэтому, конечно, преимущество будет у тех людей, которые будут участвовать в конференции, имея за плечами большой багаж личного опыта или хотя бы просто какие-то удачные или неудачные попытки возрождения катехизации, связанные с православной традицией, а значит, как раз с тем духом и смыслом, о которых я упомянул. Но в ней может участвовать и любой просто заинтересованный церковный человек, который знает традицию изнутри, хотя, может быть, и не столь конкретно. Так что мы надеемся, что конференция будет проходить одинаково плодотворно и интересно как для тех, кто уже имеет свой личный опыт в возрождении святоотеческой, то есть традиционной церковной катехизации, так и для тех, кто

только думает, размышляет и молится об этом и готов вкладывать в это свои силы, своё сердце, свою жизнь.

— А есть ли проблемы просто с историческим восстановлением образа традиционной катехизации? Наверное, нужны какие-то специальные исторические изыскания? Или здесь уже все более или менее восстановлено?

— Для всех очевидно, что традиция святоотеческой катехизации была прочно забыта в церкви уже довольно давно, много веков назад. На её месте выросли какие-то другие опыты, пусть и не очень удачные, но тоже вошедшие в некую позднюю традицию. Надо учитывать весь опыт церкви, но лучше всего опираться на знание именно традиционной церковной катехизации. Её исторические описания существуют, но их очень немного, судя по библиографии, опубликованной в книге дьякона Павла Гаврилюка по истории катехизации в древней церкви. Мы знаем буквально единичные работы на русском языке, существовавшие до революции или появившиеся на свет в более позднее время.

Окончание на с. 4
(Фото Дмитрия Писарева)

В НОМЕРЕ:

В Санкт-Петербурге прошла презентация семитомника переводов «Православное богослужение»

По мнению архимандрита Ианнуария (Ивлиева), члена Синодальной библейской и богословской комиссий, её отличала атмосфера очень большой доброжелательности
С. 2

Пасха, двери райские нам отворяющая

На праздник Пасхи — светлого Христова Воскресения — более 130 человек из десяти городов России и из-за рубежа воцерковились в результате оглашения в Преображенском братстве
С. 3

«Нам очень не хватает полного собрания сочинений Аверинцева»,

считает известный славист, профессор Жорж Нива
С. 7

Сергей Аверинцев, чтец. Чтение Клеменса Брентано

Доклад Ольги Седаковой на конференции памяти С.С. Аверинцева
С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» — новости и статья Натальи Адаменко «Любовь и кашель не утайшь»

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА ПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМИТОМНИКА ПЕРЕВОДОВ «ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ»

13 мая в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира состоялась презентация серии переводов «Православное богослужение» с участием их автора проф.-свщ. Георгия Кочеткова. Серия выходит по благословению епископа Тульчинского и Брашлавского Ионафана. Это первый со времени переводов иеромонаха Феофана (Адаменко) (†1937) опыт перевода основного корпуса неизменяемых текстов православного богослужения на русский язык.

Проректор СФИ Д.С. Гасак в своем приветственном слове отметил важность не только представления изданных книг, но и возможность во время презентации обсудить данную работу, как и вообще проблематику перевода православного богослужения на русский язык: принципы перевода, его contemporaneity, возможность и опыт совершения молитвы на современном русском языке.

Руководитель издательства Свято-Филаретовского института, секретарь переводческой группы семитомника «Православное богослужение» Кирилл Мозгов кратко рассказал собравшимся о более чем 30-летней истории представленных переводов. Он напомнил, что впервые они были использованы в храмовом богослужении в начале 1980-х годов в стенах Ленинградской духовной академии, когда их автор, будущий священник Георгий Кочетков, был ее студентом.

«Первой глобальной попыткой внести здравый смысл в ту область, где отказ от здравомыслия равносильно возвращению к магии и язычеству» назвал издание переводов прот. Евгений Горячев, настоятель храмов Благовещения Пресвятой Богородицы и свт. Николая в Шлиссельбурге, катехизатор, преподаватель СПбДАиС. Конечно, предложенные переводы можно улучшать, причём делать это соборно, т.к. без соборного участия не будет и соборной рецепции, но сделанное — пример, достойный всеобщего подражания и уважения.

С филологической точки зрения оценил представленный труд д-р филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Пётр Бухаркин, назвав его подвигом защиты русской культуры. Не будучи горячим сторонником перевода богослужебных книг на русский язык, понимая, сколько проблем, связанных с переводом, требует серьёзного обдумывания, П.Е. Бухаркин отметил чрезвычайную важность перевода в том, что он свидетельствует о больших возможностях русского языка, показывая один из самых верных и глубоких, хотя и очень неспешных путей исправления русской речи. Русский язык сейчас катастрофи-

чески теряет такие качества, как лексическое и семантическое богатство, разнообразие, духовная напряжённость. Именно их восстановлению способствуют богослужебные переводы. Не случайно такое большое значение переводам на русский язык уделял академик С.С. Аверинцев. Вместе с тем, докладчик обратил внимание присутствующих на опасность повсеместного распространения русского перевода, что в таком случае неизбежно приведет к забвению церковнославянского богослужения и к культурному однообразию.

Архим. Ианнуарий (Ивлиев), член Синодальной библейской и богословской комиссий РПЦ, преподаватель СПбДА, переводчик Священного писания, назвал данное издание феноменом культуры, представляющим собой переводческий подвиг. В то же время отец Ианнуарий подверг сомнению миссионерское и катехизическое значение представленных переводов в связи с тем, что средние современные молодые люди, по мнению выступавшего, не только не способны прочесть полуторатысячестраничную Библию, но и вообще практически ничего не читают.

Инициатор и автор представленных переводов — ректор Свято-Филаретовского института проф.-свщ. Георгий Кочетков — в своём выступлении сказал о том, что, по его мнению, в церкви не будет актуален перевод богослужения, пока на литургии не начнётся чтение анафоры вслух, причём не во время пения хора. «Слава Богу, что таких храмов становится всё больше, — отметил докладчик, — но в храмах, где этого не происходит, вообще говоря, русский язык не нужен». Чтение анафоры вслух решает задачу объединения церкви в единой молитве Богу во Христе по дару Святого Духа, включения в эту молитву всей церкви. И тогда вопрос перевода богослужения выходит далеко за рамки только вопроса миссионерского и катехизационного, значение которого, безусловно, велико. Конечно, перевод, в зависимости от того, каким он будет и как мы его будем использовать, не может не повлиять и на общую культуру страны, нации, а значит — и на историю всего нашего народа. Ведь мы ещё не знаем, возродится ли наш народ после падения советской власти. Пока почему-то этого не произошло. Самый важный вопрос: сможет ли церковь предаться подвигу духа, подвигу молитвы, подвигу аскезы, подвигу приближения Царства Небесного — или нет? Только то, что стоит в центре Евангелия, может быть единственным вдохновением в деле перевода, его единственной целью. Никакая рационализация здесь недостаточна. Можно иметь самое лучшее бо-

гослужение на любом языке, но если, совершая богослужение, мы не приложим своего сердца, не будет в нас вдохновения — никому этот перевод ничего хорошего не даст.

Отец Георгий рассказал, что переводческой группе приходилось решать целый комплекс задач — филологических, переводческих, литургических, пастырских. Нельзя сказать, что все проблемы решены: «Мы только заглянули в эту бездну, мы только попытались перейти через неё, не поведившись умом и духом. Конечно, никто из нас не думал, что мы делаем это идеально». Критерием успешности перевода авторы считают ответ на вопрос: захотят ли люди молиться словами нового перевода или нет, коснется ли это их сердца? Отец Георгий признался, что работать над переводами было необыкновенно интересно, особенно когда приходилось решать содержательные проблемы литургического характера. При этом большой трудностью для переводчиков являлось отсутствие полного хорошего перевода Священного писания на русский язык. Он выразил уверенность, что с появлением нового перевода сразу же понадобится полная редакция представленного на презентации издания.

Доктор физ.-мат. наук, академик Российской академии естественных наук А.А. Гриб рассказал, что благодаря изданным переводам познакомился с текстами — в частности, с чином проскомидии. Далее ученый назвал церковнославянскую литургию великой поэзией, пусть во многом и непонятной, как непонятна поэзия Велимира Хлебникова или обэриутов: «Церковь в мире — это кусочек антимира, если говорить языком физики, пространством другой реальности, в котором и должен быть иной язык и иная поэзия», — сказал он.

Директор Православного института миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений прот. Владимир Федоров прямо назвал осуществленную работу подвигом, особенно «в контексте церковно-общественной ситуации». В контексте служения церкви без перевода богослужения у неё нет будущего, поэтому издание серии переводов «Православное богослужение» — очень важное для церкви событие.

Подчеркивая значимость прошедшей презентации для Петербурга, директор Института генеалогических исследований И.В. Сахаров попросил организаторов издать её полную стенограмму. Он рассказал, что сам поёт в церковном хоре более 40 лет и при этом зачастую не понимает исполняемых текстов, пока не познакомится с их переводами. Он предложил издателям публиковать вместе с окончательными вариантами перевода их предыдущие, отвергнутые авторами редакции: «Переводческая кухня — это ведь самое интересное!», а также продолжить начатый разговор серией подобных встреч. Желание продолжить дискуссию выражали и многие другие участники презентации, за недостатком времени не успевшие высказаться.

На презентации был представлен слайд-фильм, рассказывающий о богатой истории богослужебных переводов в Русской церкви. В завершение встречи прозвучали богослужебные песнопения на русском языке в исполнении хора Свято-Филаретовского института.

Анастасия Наконечная

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ ПРЕЗЕНТАЦИИ:

Архим. Ианнуарий (Ивлиев), член Синодальной библейской и богословской комиссий: Презентация в Петербурге прошла замечательно. Её отличала атмосфера очень большой доброжелательности. Ведь, действительно, когда посмотришь на всю проделанную работу, то видишь, что это настоящий подвиг — семь книг переводов. Любой переводчик древних, античных, особенно религиозных текстов, знает, какая на нём лежит ответственность и как трудно это делать. Я поражен этим трудом. Другой вопрос (чисто идеологического характера), поднимавшийся здесь неоднократно многими выступавшими — цель нового перевода, польза нового перевода, совместимость его с общеправославным культурным литургическим комплексом. Но эти вопросы будут и в дальнейшем подниматься, разрешаться или не разрешаться. Они естественны. Главное же — что перевод уже есть, и он стал культурным феноменом. Он, конечно, будет еще миллион раз исправляться. На то он и перевод, что требует своего исправления. Но как бы то ни было, «процесс пошел».

— Какие у Вас впечатления от презентации? Что она может означать для Петербурга, на Ваш взгляд?

Игорь Васильевич Сахаров, директор института генеалогических исследований: Я считаю, что презентация была очень нужна, полезна и она очень хорошо прошла. И действительно — все об этом говорили — этот труд представляет собой настоящий подвиг и заслуживает всяческого восхищения. Дело это чрезвычайно нужное и актуальное. Ведь не секрет, что прихожане во время богослужения плохо понимают церковнославянский язык. Более того, это относится даже и к людям церкви — от певчих до чтецов и даже некоторых священнослужителей: отдельные слова остаются непонятными и смысл их лишь угадывается. Поэтому меня радует, что практически не было возражений против того, чтобы русский язык шире входил в богослужебную практику. И выступления, и прения были очень интересными, и было очень обидно, что пришлось прервать обсуждение. Мне кажется, в том же составе нужно продолжать дискуссию, чтобы выслушать многих. Ведь даже если будут возражения — это будет только на пользу дела. Хочу повторить то, что я успел сказать: нужно опубликовать черновые материалы переводов, чтобы показать, какие варианты одного и того же текста или даже отдельного слова рассматривались: процесс перевода интереснее конечного результата, переводческая «кухня» интереснее «готового блюда». Примером может служить Набоков; он не просто опубликовал свой перевод «Евгения Онегина» на английский язык, а показал читателю варианты перевода, плюсы и минусы каждого из них.

Андрей Гусев, студент 5 курса Екатеринбургской семинарии: С одной стороны, были совершенно разные точки зрения на вопрос о богослужебном языке. Но с другой стороны, не было часто встречающегося в таких ситуациях какого-то противостояния. Пытались именно найти правильное видение этой проблемы. Каждый признавал, что его точка зрения не только не является во всем положительной и правильной, но и имеет свои подводные камни. Именно это мне очень понравилось в презентации.

— Вы бы хотели использовать этот перевод для лучшего понимания смысла богослужения?

Анастасия Наконечная: В свое время мне отчасти пришлось к нему обратиться, когда я готовился к экзамену по литургике. Мне было необходимо посмотреть, как некоторые моменты звучат не только церковнославянски, но и по-русски, и как они соотносятся с оригинальным греческим текстом. Поэтому у меня опыт обращения к этому тексту уже был, и этот опыт положительный.

— В Белоруссии и на Украине есть храмы Московской патриархии, в которых служат на современных белорусском и украинском языках. Как Вы отнеслись бы к тому, чтобы и где-то в России был такой храм или часовня, где бы использовались эти или другие переводы на русский язык?

— Честно говоря, я не готов ответить на этот вопрос. Надо подумать над этим вопросом, не могу сказать — да или нет. Но в целом к такой практике я отношусь достаточно положительно. Что-то в этой области надо делать хоть в каком-то направлении, стоять на месте не надо.

Беседовала Анастасия Наконечная

Фото с презентации Сергея Туманова, Александра Волкова, Олега Глаголева

ПАСХА, ДВЕРИ РАЙСКИЕ НАМ ОТВОРЯЮЩАЯ

На праздник Пасхи — светлого Христова Воскресения — более 130 человек из десяти городов России и из-за рубежа воцерковились в результате оглашения в Преображенском братстве. Семь человек — взрослые и дети — приняли таинство крещения, а на пасхальной литургии большинство из них причащались первый раз в жизни.

Именно со Светлой седмицы, в соответствии с церковной традицией, начался следующий этап их воцерковления — таинствоводство, или мистагогия. Предыдущие два этапа были посвящены подробному чтению Священного писания, знакомству с храмовым богослужением, научению личной молитве, православной вере и жизни по вере.

С одной стороны, Светлая седмица — это завершение, итог предыдущих этапов оглашения, а с другой — начало новой жизни для оглашаемых, уже в качестве причащающихся членов Церкви. Помимо участия в таинствах, новоцерковленные посещают таинствоводственные беседы — объяснение церковных таинств, — знакомясь с основами православной догматики и аскетики. После Светлой седмицы таинствоводство будет продолжаться еще семь недель.

Мы попросили катехизаторов Преображенского братства рассказать о том, что такое Светлая седмица и какой новый духовный опыт приобретают новоцерковленные.

Валерий Ларионов (Тверь): «То, чего я всегда жду и что всегда вижу на Светлой седмице, можно передать евангельскими словами «должно вам родиться свыше». Рождение свыше — это духовная реальность, которую мы знаем как жизнь в церкви, жизнь в Духе. Именно на Светлой они приобщаются к этой духовной реальности, и это самое главное событие в жизни, на мой взгляд.

Прежде всего, новоцерковленные приобретают опыт Церкви — самой настоящей, любящей, открытой, свободной, и этот опыт складывается в сердце, запечатлевается там. Может быть, они не всё понимают сразу и не всё осознают, но этот опыт сохраняется как опыт расширения сердца. И на этот опыт они смогут потом опираться в своей духовной жизни.

Кроме ежедневного участия в литургии и таинствоводственных беседах, новоцерковленные братья и сестры могут попробовать себя в разных церковных делах, например, в пении и чтении в храме или уборке храма и его территории. При-

чем они делают это с большой радостью, для меня это даже удивительно: видеть, с какой радостью и охотой люди делают простую работу — моют, метут, переносят кирпичи. Есть также возможность поговорить с ними на тему их будущей миссии и свидетельства. Им интересно узнать, как они, верующие люди, могут свидетельствовать о своей вере, как им делать это осознанно, грамотно, избежать ошибок. Очень полезной оказалась беседа со священником о ритме церковной жизни на ближайший год, а также встреча, посвященная проповеди, — о том, как научиться слушать проповеди, выделять в них главное, вместе обсуждать, что услышали и поняли.

Важно также, что они ближе знакомятся друг с другом, особенно живущие в разных городах. Они общаются, делятся впечатлениями, делятся духовным опытом. Интересно, что у разных людей бывают очень похожие духовные пути, которыми они пришли к Богу и в Церковь. Пути, похожие по существу, а не в деталях, конечно, и это радует. Почти у всех была жажда иного качества жизни, новой жизни, которая утоляется только в Церкви».

Олег Глаголев (Екатеринбург): «Трудно выделить здесь что-то одно, потому что

и богослужения, и проповеди, и таинствоводство — это всё и есть Светлая седмица. Для людей это не только опыт глубокой безотчетной радости, но ещё очень важное испытание. Потому что в каком-то смысле выявляется наше несоответствие призванию и даётся благодать Божья, чтобы это несоответствие преодолевать, а не унывать пред лицом Божиим.

Пожалуй, самый важный опыт, который приобретается на Светлой седмице и остается надолго, — это понимание и соединение в жизни двух вещей: просвещения и воцерковления. Человек просвещается и присоединяется к Церкви, он обретает здесь новую жизнь, новое родство, новое творчество, новые надежды, Господь открывает ему новый путь. И люди начинают приносить благодарение Богу, хотя путь воцерковления для некоторых был очень трудным. Интересно, как на Светлой седмице у людей расширяется «кругозор» в молитве, если можно так сказать. Сначала они молятся только о своих близких, о тех, кто не смог приехать на Светлую седмицу. Потом начинают молиться и о тех, кто присутствует, о нуждах друг друга, о церковных делах, о Церкви».

Информационная служба Преображенского братства

Сергей Фудель в ссылке, февраль 1947 г.

Пять самиздатских томов «собрания сочинений» С.И. Фуделя, напечатанных на машинке, на пожелтевшей от времени бумаге, переплетенных в зеленые истрепанные картонные папки-скоросшиватели (впрочем, два из пяти — уже во вторых, дерматиновых переплетах) — зачитанные, прошедшие через множество читательских рук, обрели свой окончательный приют в архиве их автора, который хранится в библиотеке-фонде Дома русского Зарубежья им. Александра Солженицына. Это один из пяти экземпляров (пятый) самого первого издания пятитомника С.И. Фуделя.

11 мая директор Дома Виктор Москвин, по просьбе которого Культурно-просветительский центр «Преображение» передал мемориальный пятитомник С.И. Фуделя, подписал акт о принятии этих книг на постоянное хранение. Книги передал их владелец проф. СФИ А.М. Копировский. Первоначально он пожертвовал их в библиотеку КПЦ «Преображение», но

«САМЫЙ СОКРОВЕННЫЙ ДУХОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА»

затем по благословению духовного попечителя культурно-просветительского центра свящ. Георгия Кочеткова было решено подарить эти книги библиотеке Дома русского Зарубежья.

Информационная служба Преображенского братства

Сергей Иосифович Фудель родился в семье священника Иосифа Фуделя (1865—1918) и Евгении Сергеевны Емельяновой (1865—1927) в Москве в 1900 году. Среди знакомых отца Иосифа в Москве были отец Павел Флоренский, философы Константин Леонтьев, Василий Розанов, Лев Тихомиров. Круг общения отца повлиял на мировоззрение сына. Окончив гимназию, он поступил на философское отделение Московского университета.

После революции Сергей борется против «живой церкви», вместе с православными студентами расклеивает листовки, разъясняющие пагубность обновленчества. Ему довелось общаться со святыми старцами Оптиной пустыни. В книге «У стен Церкви» Сергей Фудель описывает свою встречу с оптинским старцем Нектарием: «Быстрой походной вышел ко мне старец, которого я видел впервые, благословил меня и сразу, без всякой подготовки и без каких-либо обращений с моей стороны, сказал: «Есть ли у вас невеста?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «Поезжайте к Святейшему Патриарху Тихону и просите посвятить вас. Перед вами открывается путь священника». Я молчал, ничего подобного не ожидавший, ошеломленный. «Не бойтесь, — сказал он, — и идите этим путем. Бог вам во всем поможет. А если не пойдете, испытаете в жизни большие страдания»».

В 1922 году после окончания первого курса философского отделения Московского университета Сергей Иосифович был

арестован и заключен в Бутырскую тюрьму за участие в противобольшевистском обновленческом расколе. В 1923 году приговорен к ссылке по ст. 58 УК в Усть-Сысольск Зырянского края. Оказавшись в начале своего исповеднического пути вместе с митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), епископом Ковровским Афанасием (Сахаровым), архиепископом Фаддеем (Успенским), С.И. Фудель всю жизнь духовно следовал за этими великими подвижниками XX в.

В 1933 году последовал новый арест и по той же 58 ст. УК приговор к заключению в ИТЛ, лагерь в г. Вель, ссылка в Вологодскую область. С 1934 по 1941 год проживал в г. Загорске Московской области с «непоминающим» архимандритом Серафимом (Битюговым), некоторое время скрывавшимся в доме Фуделей. В Сергиевом Посаде, близ Троице-Сергиевой Лавры, жили также Флоренские, Тихомировы, Новоселовы, Голубцовы.

В 1941 году Фудель был призван на фронт и прослужил все четыре года рядовым охраны воинских грузов. После возвращения в 1946 году Сергей Фудель был арестован по делу священника Катакомбной церкви Алексея Габрияника. Алексей Габрияник был женат на сестре Николая Голубцова, с которым Сергей Иосифович поддерживал дружеские отношения. Сергея Фуделя снова отправили в ссылку в г. Минусинск, а затем в с. Большой Улуй Красноярского края.

Сергей Иосифович вернулся в Загорск в 1952 году. Но по закону политические и уголовные преступники не имели права на проживание в Московской области, и вскоре семье пришлось переехать. Первое время по переезде из Загорска жили в городке Лебедянь, потом купили дом в Усмани, в той же Липецкой области. Именно там был закончен серьезный богослов-

ский труд Фуделя «Путь отцов». В октябре 1958 года пришел отзыв на него от старца-епископа Афанасия (Сахарова): «Ваша книга — богословское обоснование «монастыря в миру»... С любовью обнимаю Вас и лобызая, и паки прошу прощения. Спасайтесь у Господе. С любовью, богомолец Ваш, епископ Афанасий».

Исследователи творчества Сергея Фуделя называют его самым сокровенным духовным писателем XX века. В его богословии нет стремления поставить себя над читателем, нет и тени стремления к изысканности слога. По сути, его труды — это не богословские трактаты, а исповедь, обращенная к сердцам, духовное завещание — нам.

Скончался С.И. Фудель 7 марта 1977 года: Отпевали его два священника. «Могучий хор пел так, что во мне что-то омертвелое от горя проломилось и сквозь слезную боль потекло неведомое облегчение... — вспоминал его сын, Николай Фудель. — Клир по тем временам не мог проводить вне ограды, но двери храма выходили прямо на улицу, их открыли и, держа гроб на плечах, стоя на пороге, пели на весь город радостно и согласано: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!»... Медленно по главной улице — Горьковскому шоссе — с этим пением шла за машиной с гробом толпа провожающих. Многолюдная толпа — около ста друг другу почти незнакомых людей, старых и молодых, — на этот час примиренных со всеми». Дочь Сергея Фуделя Мария Желновакова приехала из Липецка к похоронам. Спустя четверть века она говорила об этом как о недавно происшедшем событии: «Было очень много народа. Но, странно, всеми владело не горе, а радость... Хотелось прямо здесь, на кладбище, запеть Пасху...»

По материалам сайта <http://sfi.ru>

25 – 27 мая Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит VI богословско-практическую конференцию

«ТРАДИЦИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ КАТЕХИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОГЛАШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ «СЛУШАЮЩИХ»»

Конференция продолжает тему прошлого года – возрождение катехизации в русле святоотеческой традиции. В этом году планируется перейти от общих вопросов определения цели катехизации, ее значения, критериев оценки качества и др. к рассмотрению практических проблем, связанных с началом катехизации.

Предполагается подробно обсудить следующие вопросы

- Какова должна быть длительность оглашения «слушающих» сейчас?
- От чего зависит длительность оглашения?
- В чем основное содержание оглашения?

- Каковы главные вехи?
- Чем характеризуется связь со святоотеческой традицией?
- Как оглашение проходит у различных категорий «слушающих» – социальных, образовательных, возрастных и т.п.?
- Как правильно оценить качество катехизации во время первого этапа, готовность катехумена к переходу на второй этап, т.е. оглашение «пророщаемых»?

В этом номере мы продолжаем публиковать интервью по теме конференции.

Исторический контекст

Александрийское огласительное училище

Богу (Лев. 19, 23–24), когда дерево достигло совершенства. Такой земледельческий образ может послужить уроком: он учит нас необходимости очищения наростов прегрешений и бесплодного роста мысли, которая вместе с естественными плодами растет до тех пор, пока новый вид веры не приобретет свой совершенный объем и твердость. Именно в четвертый год – ибо для основательной катехизической подготовки требуется время – четверица добродетелей посвящается Богу». Конечно, александрийское огласительное училище было также открыто для язычников и ново-крещеных, которые вместе с катехуменами слушали поучения, однако упор делался именно на систематическую подготовку последних.

Согласно Евсевию Кесарийскому, в кон. II – нач. III вв. в Александрии существовало особое огласительное училище: «В это время обучением верующих там руководил человек, известный своей образованностью, по имени Пантен. По древнему обычаю, в Александрии имеется училище, где преподается Священное Писание». После его смерти руководство этой катехизической школой принял св. Климент Александрийский († ок. 215 Р. Х.). В его трудах часто используется термин «катехумен» и отрывочно описывается катехизическая практика его училища того времени. Характерной здесь была интеллектуальная попытка выразить сущность христианского благоговения на языке современной греческой философии: «Образованным должен быть учитель, излагающий основные догмы. Это образование помогает убедить слушателей, вызывает восхищение катехуменов и направляет их к Истине».

Это катехизическое научение не было просто интеллектуальным получением новой информации. Св. Климент подчеркивает, что разница между крещеными и оглашаемыми заключается в том, что последние только «хотят» жить по-христиански, а верующие, принявшие Таинство крещения, уже имеют «силу» для такой жизни. Несомненно, кандидатов не допускали ко крещению, пока не была выяснена серьезность их намерений: «Некоторые уже, желая, имеют силу поступать так, развив это упражнением и очистившись; другие, хотя еще и не способны, имеют по крайней мере стремление. <...> Определенно, действия не судятся только по исполнению, но в соответствии со свободным намерением каждого. Был ли выбор легким? Было ли покаяние в грехах? Познал ли он свои падения? Осознал ли он их?»

Период времени, необходимый для этого, продолжался, согласно святителю, три года после «записи имени» в число катехуменов: «(Закон не позволяет собирать несовершенные плоды с несовершенных деревьев, но (повелевает): после трех лет первые плоды урожая должны быть посвящены

Наряду со словом «катехумен» (от греч. глагола *kathcein* (*katehein*)) для обозначения готовящихся ко крещению применялись и другие термины. Наряду с уже упоминавшимся выражением «прозелит Христа» свв. отцы (напр., св. Киприан Карфагенский, св. Климент Александрийский) называют оглашаемых «слушающими» («*audiens*», «*auditor*»). Очень интересным является использование военной латинской терминологии в отношении катехумената, которое противопоставляет выражения «рекрут» («*tingo*») для обозначения катехумена и «солдат» («*miles*»), т.е. крещеный христианин. Это именно то различие между «оглашенными» и «верными», которое подчеркивает Тертуллиан, критикуя практику секты маркионитов: «Прежде всего, неясно, кто здесь оглашенный, а кто верный – вместе входят, вместе выходят, вместе слушают, вместе молятся, ведь и язычникам, если придут, бросят святыню псам и жемчуг свиньям, – пусть и не настоящий. Оглашенные у них прежде становятся верными, чем научаются (вере)». В своем труде «О покаянии» он же обозначает кандидатов ко крещению военным термином «новички» («*novicium*»). Такое же четкое разделение между молодым новобранцем, находящимся в «учебке», и солдатом, уже принявшим присягу и получившим «печать», мы находим и у Коммодиа, также жившего в Африке в III в. В своих «Наставлениях» он обращается к катехуменам: «Все верующие во Христа, оставившие идолов, ради вашего спасения утешаю вас несколькими словами. Если раньше вы жили во грехе, посвятите себя отныне Христу, оставив все прошлое, и, ибо вы знаете Бога, будьте хорошими новобранцами, (станьте) опытными солдатами». По окончании периода катехумената кандидаты составляли группу «намеревающихся приступить ко крещению» («*ingressuri baptismum*»). Они проводили определенный период времени (может быть, неделю) в молитве, бдении и посте.

Из книги прот. Владимира Хулапа «Катехуменат в истории Церкви»

УЗКИЙ ПУТЬ ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ

Интервью о проблемах первого этапа катехизации с проф.-свящ. Георгием Кочетковым, зав. кафедрой миссиологии, катехетики и гомилетики, ректором СФИ

Окончание. Начало на с. 1

Больше всего изданий – и богословских, и исторических, и практических – появилось за последние четверть века. Многие здесь было сделано, в частности, нашим институтом, нашей кафедрой для того, чтобы восстановить этот опыт, и не только с исторической точки зрения. Поскольку нашему опыту практической катехизации в этом году исполняется сорок лет, было время и поразмышлять, и проанализировать ошибки, и посмотреть в источники, и подумать над тем, как древняя традиция может себя полноценно выразить и осуществить в современности в разных условиях – городских (в том числе в больших городах, мегаполисах) и сельских, в случае общей катехизации и в частных случаях для особенных катехуменов. Я рад тому, что у меня была возможность написать и защитить в Свято-Сергиевском институте магистерскую работу на эту тему, законченную в целом в 1986 году, то есть как раз двадцать пять лет назад. Это всё имело для нас определённое значение и на конференции, надеюсь, ещё сыграет свою роль. Но мы будем очень рады и любым новым исследованиям, новым открытиям, большему, лучшему познанию многообразия церковного опыта. На мой взгляд, есть острая нужда как в академических исследованиях в области катехизической традиции церкви, так и в обобщении и собирании практического опыта церкви как в наше время, так и в прежние времена.

– Как быть с теми современными формами катехизации, которые на самом деле часто являются скорее формами миссии или предложения? Принципиально ли достигать согласия в том, что некая единая структура катехизации (известная с древности) является необходимой? Или одновременно могут существовать как бы разные системы катехизации (например, для разных категорий оглашаемых, с учетом социальных, культурных и прочих особенностей)?

– Нет никаких сомнений, что катехизация не может существовать только в единообразной форме. Конечно, формы катехизации всегда различаются: есть разные обстоятельства, разные люди, разные трудности и разные возможности. Да, нужно установить какой-то консенсус, какую-то норму катехизационного процесса, как бы внутренней логики развития процесса катехизации для обычных, нормальных случаев. Но при этом надо обобщать и опыт особенной катехизации, рассчитанной на разные категории особенных катехуменов и на раз-

Со временем образ узкого пути стал прежде всего монашеским достоянием. Но когда-то он был близок всем членам Церкви, в том числе и оглашаемым. (Лествица и преп. Иоанн Лествичник. Византия, XI в.)

ные обстоятельства. Надо рассчитывать на то, что не всегда имеются достаточно подготовленные катехизаторы, не всегда есть возможность оглашать даже нормальных катехуменов по нормальной парадигме оглашения в церкви. То есть обязательно нужно устанавливать как бы вехи, основные понятия, основные позиции, существующие в традиции церкви, и в то же время знать, когда правила и нормы не работают, какие возможны исключения, в какую сторону, где граница всякого компромисса. Надо всегда осознавать, где оправдано многообразие, поиск, творчество, а где это больше напоминает произвол или непонимание сути вещей со стороны ответственных за катехизацию людей. В наше время это особенно актуально, потому что патриархом Кириллом перед нашей церковью поставлена задача возрождения катехизации не только во всей церкви, но и на каждом приходе. И хотя пока механизмы для этого только начали отрабатываться, мы надеемся, что и в дальнейшем сможем внести свой

вклад в уяснение православной христианской традиции катехизации, в частности, в исследование вопросов, связанных с практическим осуществлением этого делания в церкви в современных условиях, какими бы они ни были, при всём многообразии современной жизни, при всех противоречиях, которые существуют как в толще традиции, так и в современной церковной и общественной жизни при современном уровне культуры, богословской подготовки, пастырской ответственности и т.д.

– К слову об особенностях: в своем интервью нашей газете о. Петр Мангилёв говорил, что люди сегодня существуют в основном вне привычной старшему поколению культурной парадигмы, то есть не только не опираются в своей жизни на нравственные ценности христианской культуры, но и с трудом воспринимают русский язык (на его взгляд, это не относится разве что к тем, кто находится в элитарных столичных православных общинах). А Вам приходилось сталкиваться с

этим как катехизатору? Видите ли Вы это как проблему? И если да, то как её решать?

— Конечно, проблемы эти существуют, и существуют везде. Я не большой любитель слишком акцентировать разницу между какими-то «элитарными столичными общинами» и всеми остальными людьми, живущими в нашей стране, в нашей церкви, да и в других странах в общем-то тоже. Мне кажется, что глобализм зашёл уже довольно далеко, и проблемы у всех общие. Другое дело, что они звучат немного по-разному, и пути их решения надо находить немного разные. Но это именно другой вопрос. Конечно, люди сейчас приходят с особенно большим количеством нравственных проблем, так же как и пробелов в культурной сфере. Они действительно даже русский язык понимают плохо. Простые вещи, кажется, изложенные на самом-самом общедоступном русском языке, для них часто бывают непонятны, их приходится повторять по нескольку раз. А для того, чтобы сделать даже понятное чем-то действенным, требуются очень большие дополнительные усилия. Так что проблемы есть, я согласен, люди не существуют в традиционной парадигме. Но, в конце концов, культура всегда менялась, и всегда были поворотные пункты в истории, когда люди жили в переходные периоды между разными эпохами, как это происходит и сейчас в нашей жизни, когда старое ушло, а нового ещё почти нет. Да, это трудность, но, с другой стороны, это даёт возможность смотреть более свободно, по-новому, на старые, привычные вещи, связанные в том числе с процессами воцерковления, духовного возрождения человека, с его культурной и нравственной ориентацией, его привычками, языком и т.д. Вопрос языка вообще очень интересный вопрос, ведь это вопрос восприятия откровения. Если мы не научимся говорить на одном общем языке в церкви — как внутри неё, так и на её границах, — то вопросы миссии никогда не разрешатся и вопросы катехизации тоже останутся неразрешимыми. Нужно знать, какой язык в церкви сейчас может существовать. Нужно чувствовать, на каком языке можно произносить святые имена, молиться, а на каком нельзя, какой стиль, какой дух жизни приемлем, несмотря на всё его несовершенство, иногда даже на компромиссность жизни, а когда мы имеем дело с неприемлемыми явлениями в этой области. Надо всё это знать, понимать и приводить в соответствие.

— Зачисление в разряд «слушающих» означало в древности с их стороны уже определённую дисциплину. Возможно ли в современных условиях реализовать дисциплину, необходимую для нормального процесса оглашения? Ведь у постсоветского человека понятие дисциплины связывается лишь с некоей внешней объективированной обязанностью (в школе, на работе, в армии и т.д.). Как избежать этой объективации, с одной стороны, и удержать необходимые границы для оглашаемых — с другой?

— Да, Вы правы, вопрос ответственности, вопрос границ — а эти два вопроса прямо связаны, эти две проблемы прямо друг на друга влияют — это очень острые вопросы, как и проистекающие из этого вопросы дисциплины. Действительно, традиционно зачисление человека в любой разряд внутрицерковной реальности означает исполнение определённых условий, а значит, определённую дисциплину. И с дисциплиной у современных людей, конечно, плохо. Они, с одной стороны, боятся всякой дисциплины, а с другой — страдают от хаоса, от неорганизованности, сами думают над тем, как же плохо, когда «всё плохо», когда всё неустроено, когда ничего не найти, когда ничего не запомнить, когда люди не отвечают за своё слово, когда в одно ухо входит, а в другое выходит и т.д. и т. п. Да, люди от этого страдают, но не понимают того, что они сами часто в первую очередь являются носителями этих проблем, хотя и предъявляют претензии другим. Катехизатор в этом отношении должен проявлять максимум такта, терпения, внимания. Катехизатору нужно найти те струнки в сердце людей, которые позволят ему предъявлять какие-то требования, не насилуя волю человека, его сознание, а тем более его духовную жизнь. Любовь требовательна, этот тезис давно известен. Любовь и свобода — это путь, но путь очень узкий, а значит, и требующий сохранения границ. Это люди понимают

с большим трудом, потому что они нецелостны, раздвоены, противоречивы, потому что они не привыкли требовать с себя, а привыкли предъявлять претензии другим, как я уже говорил. В этом большая проблема. Но именно катехизация — так как она идёт всё-таки не две недели и даже не два месяца — и может помочь людям разобраться в этом, разрешить эти проблемы. Здесь нужно обмениваться опытом, здесь нужно думать вместе, и, надеюсь, результат будет в каждом случае, у каждого катехизатора, положительным.

— На прошлогодней конференции некоторыми участниками были высказаны предложения, чтобы подобная работа в рамках практических конференций и семинаров зародилась как регулярная форма, причем даже на епархиальном и межепархиальном уровне. Можно ли говорить, что за год что-то здесь сдвинулось? Каким образом можно собрать соборные размышления и усилия церкви в практическом русле? Как этому может послужить наша конференция? Какие еще перспективы предстоящего обсуждения Вы видите?

— Ну, гадать здесь, может быть, особенно не стоит. Не так много сделано за год: всё как было, в общем, так и осталось, кроме того, что идут интенсивные обсуждения на уровне, скажем, Межсоборного присутствия, в верхнем эшелоне церковной власти. Есть действительно определённая воля для возрождения катехизации, это мы видим. Но хотя и декларируется, слава Богу, что нужно всё это делать на всех уровнях церковной жизни — и епархиальном, и благочинническом, и приходском, — однако очевидно, что здесь впереди ещё много работы. Ещё не всё всем ясно, пока ещё много деклараций, общих слов, потому что нет опыта или есть лишь опыт малоудачный. Так что можно надеяться, что такие конференции, как наша, покажут людям путь для обсуждения и продвижения вперёд всех этих вопросов. Нужно вдохновлять людей, и я уверен, что как в прошлом году было общее вдохновение в результате нашей общей работы, так и на конференции этого года в нашем институте также будет вдохновение и будет видно, что даже самые трудные вопросы можно грамотно ставить и грамотно решать. Ну, а насколько это войдёт в практику всей церкви, поживём — увидим. Это в первую очередь зависит не от нас, но в чём-то и от нас. Так что будем делать то, что мы можем, что Господь нам даёт в нынешнее время.

— И последний вопрос: почему акцент в этой конференции на «слушающих»? Просто предполагается обсуждать поочередно этапы оглашения, или же здесь есть какой-то особый современный нерв?

— И то, и другое, я бы ответил так. Конечно, раз уж в прошлом году мы проводили конференцию в нашем институте в целом по проблеме возрождения святоотеческой катехизации, то теперь хотелось посмотреть более подробно на какие-то этапы, ступени этой катехизации, для того чтобы глубже разрабатывать эти проблемы, для того чтобы больше было ответов на имеющиеся вопросы. С другой стороны, конечно, проблемы первого этапа оглашения — очень острые, связанные именно с переходом от неверия, от мирской жизни к жизни духовной, жизни по вере, по любви, в надежде — это сложные вопросы для современных людей. И я надеюсь, что на этой конференции нам удастся коснуться как раз самых горячих проблем, что нам удастся выявить и доказать как бы изнутри опыта современной жизни, почему нельзя опустить первый этап оглашения, почему им нельзя пренебрегать не только в связи с необходимостью исправления жизни с точки зрения закона, а с точки зрения преодоления соблазнов и смертных грехов, но и с точки зрения вхождения в пророческий опыт Церкви, в опыт любви и свободы, который готовил бы людей к восприятию собственно дара Христовой Любви, т.е. евангельского слова и дела. Это очень неформальные, очень интересные вопросы. Не так много здесь существует источников, не так много накоплено опыта, не так легко описать этот опыт. Но надо стараться это делать, и все усилия окупаются сторицей и принесут свои плоды.

Вопросы задавали
Александра Колымагина
и Максим Деметьев

Исторический контекст

Описание этапов катехизации в «Апостольском предании»

Хотя полную панораму церковной жизни во втором веке восстановить невозможно, «Апостольское предание» является той чудом уцелевшей фреской, которая позволяет нам получить хотя бы примерное представление о последовательности практики катехизации в Риме.

«Апостольское предание» содержит первое подробное описание поэтапной катехизации. Согласно Ипполиту, катехизация делилась на три этапа (заслуга в выделении трех этапов катехизации в «Апостольском предании» принадлежит В. Capelle. «L'introduction du catéchuménat a Rome», Recherches de theologie ancienne et medievale, 1933, с. 129-154. Подчеркнем, что из письменного руководства можно почерпнуть только теорию, а не действительную практику катехизации): (1) предварительный опрос желающих записаться в число *audientes* (слушающих); (2) испытательный срок и обучение, с последующим возможным принятием в число *electi* (избранных); (3) заключительный интенсивный этап обучения, венчающийся крещением и принятием в сообщество верных. <...>

Этап первый: катехизация *audientes*

Напомним, что *audientes* (слушающими) назывались те, кто прошли предварительное собеседование, но не были еще специально отобраны для принятия крещения. О том, сопровождалось ли принятие в число *audientes* во втором веке специальным обрядом, мы ничего не знаем. Впоследствии в западной церкви на них возлагали руки, давали им щепотку соли, по-видимому, в знак предвкушения апостольского учения, а также осеяли их лбы печатью в виде креста. Подготовка *audientes* должна была занимать три года (*Catechumenus per tres annos erudiatur*. «Апостольское предание» 17.1. Ср. «Апостольские постановления» 8.32.). Впрочем, прибавляет Ипполит, в случае старания важно не столько время, сколько образ жизни.

Занятия с *audientes* проводились как клириками, так и мирянами. Отметим, что такие учителя, независимо от их церковного чина, пользовались большим авторитетом среди учеников.

<...> Как мы узнаём из «Изложения апостольской проповеди» <...> св. Ирины Лионского, катехизис начинался изучением библейской истории.

<...> За историей спасения следовало развернутое моральное наставление в христианском пути. Вполне естественно, что с ростом христианства появляется различие между литературой, исследующей вопросы вероучения, и литературой, специально посвященной вопросам христианской жизни. Из этого, однако, не следует, что в катехизической практике основы вероучения отделялись от основ христианской жизни.

<...> Катехизис, составленный Иринеем в «Изложении апостольской проповеди», развертывал перед катехуменами величественную картину деяний Божьих в истории.

<...> Слушающим предлагалось стать частью этого повествования, пережить драму истории спасения как свою собственную. Каждому предлагалось увидеть в Писании, как в зеркале, свой собственный путь к Богу и стать членом народа Божьего.

<...> Отметим, что будучи представлен в виде истории спасения, катехизис мучеников и исповедников второго века мало чем отличался от катехизиса апостолов и пророков первого века. Примеры краткого изложения истории спасения имеются уже в Ветхом завете (Прежде всего в псалмах. Например, Пс 67; 77; 104; 105; 106; Втор 32; Неем 9: 6-38). По-прежнему важнейшим элементом катехизиса было «исследование Писаний», то есть христологическое толкование книг Ветхого завета. Доказательства того, что ветхозаветные пророчества указывают на Христа, занимают почти половину «Изложения апостольской проповеди» св. Ирины.

<...> На этом этапе учением о Церкви было для катехуменов приобщение к жизни в христианской общине. Три года в огласительной школе были испытательным сроком, за который от язычника требо-

валось отказаться от многих дурных привычек, покаяться в грехах прошлого и принять решение жить согласно Христову учению. Огласительная школа была местом, где люди в первую очередь познавали любовь Божью и сами учились любить. Согласно апостольскому учению, тот, кто не живет с ближними в мире и любви, не знает Бога.

<...> О том, что представлял собой моральный катехизис в послепостольскую эпоху, можно судить на основании «Дидахе».

<...> Если Христос, обращаясь к народу Израиля, Своей отправной точкой избрал заповеди Моисеевы, то древние христианские катехизаторы несли Его учение в языческий мир, опираясь на традиционное учение «о двух путях». Нагорная проповедь стала важной частью морального катехизиса уже к концу первого века. Первые шесть глав «Дидахе» есть не что иное, как попытка дать толкование Нагорной проповеди в форме учения «о двух путях». Таков же замысел и второй части «Послания Варнавы» и главы «Заповеди» из «Пастыря Ерма» (Исследователи согласны в том, что авторы «Дидахе» и «Послания Варнавы» имели под рукой не дошедший до нас катехизис, содержащий учение «о двух путях»). Следуя Нагорной проповеди, три вышеупомянутых труда проповедают путь Жизни как путь любви к Богу и ближнему. Они призывают к скорейшему примирению с ближним, без чего невозможна молитва, и заповедают любить врагов. Подобно Нагорной проповеди они считают гнев таким же предосудительным, как и убийство, объясняя, что гнев провоцирует человека совершить убийство, подобно тому, как вождление побуждает к прелюбодеянию. Они добавляют, что также предосудительны аборт и убийство младенцев, которые были весьма распространенными в то время (Ср. «Послание к Диогнету» 5.6). Они позволяют развод только по причине прелюбодеяния. Они осуждают всякое лицемерие, двоедушие, властолюбие и лицепритие. Учитывая реалии языческого общества, они осуждают занятия колдовством, магией и гаданием.

<...> По свидетельству «Апостольского предания», после того, как первый этап катехизации был пройден, проводилось повторное собеседование. На нем проверялся духовный рост желающих принять крещение. Возрастание в вере было не только личным, но и общим делом. Как и на предварительном собеседовании, у желавшего продолжать обучение должны были быть поручители («Апостольское предание» 20.1). Эти люди должны были свидетельствовать о том, что кандидат активно участвовал в делах общины. Его спрашивали, например, навещал ли он больных, почитал ли вдов и совершал ли другие добрые дела (20.1-2). Отобранные таким образом катехумены назывались *electi* (избранные) или *competentes* (достойные) на Западе и «просвещаемые» на Востоке (Восточное название восходит к древнехристианскому представлению о крещении как о «просвещении», или «освещении», засвидетельствованному в конце первого века в Евр 6:4, 10:32).

Из книги диакона Павла Гаврилюка «История катехизации в древней Церкви»

ОН ОБЛАДАЛ ДЕРЗНОВЕНИЕМ, СМЕЛОСТЬЮ И СВОБОДОЙ

Окончание. Начало на с. 1

Поэт и филолог Ольга Седакова в своем докладе «С.С. Аверинцев, чтец (чтение Брентано)» вспомнила слова профессора РГГУ Нины Брагинской, сказанные после кончины С. Аверинцева: «Умер великий русский читатель». (Доклад в незначительном сокращении можно прочитать на с. 8 — ред.)

Тему понимания слова и слышания Слова в творчестве Аверинцева продолжил доклад члена Межсоборного присутствия РПЦ, профессора СФИ Давида Гзгзяна.

Последним на пленарном заседании выступил ученый секретарь СФИ, профессор Александр Копировский, представивший доклад «Христос-Пантократор в куполе Св. Софии Киевской: к вопросу о содержании образа», написанный как своего рода отклик на статью С.С. Аверинцева

«К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской».

Конференцию продолжили секции по библиистике, литературному наследию отцов церкви, византийской и западноевропейской средневековой культуре, литературе и искусству. Прозвучали доклады отечественных и зарубежных ученых, профессоров и преподавателей РГГУ и СФИ, МГУ, Института философии РАН, Института востоковедения РАН, Института славяноведения РАН, Высшей школы экономики, Института культурологии, Общецерковной аспирантуры и докторантуры Московской патриархии и др., непосредственно связанные с тематикой трудов Сергея Аверинцева.

Завершил конференцию вечер памяти Сергея Аверинцева, который вели священник Георгий Кочетков и поэт Ольга Седакова. Выступавшие тепло вспоминали о личных

встречах с Сергеем Сергеевичем и совместной работе с ним, его уникальных способностях, неординарности мысли, творческом подходе к различным проблемам светской и церковной науки, искренности и глубине его христианской веры.

Ольга Седакова начала вечер строчками из стихотворения В.А. Жуковского, посвященного умершим друзьям: «Не говори с тоской: их нет; но с благодарностию: были». Она назвала Аверинцева учителем жизни, который развивал умственные и душевные навыки без морализма и дидактики.

Прямых учеников у таких людей, как Аверинцев, быть не может, — продолжил ее выступление о. Георгий. Но есть живые наследники духа и смысла, которые он принес. Остается проблемой перевод его наследия в современный контекст, чтобы оно было востребовано.

Профессор РГГУ Нина Брагинская вспоминала толпы студентов, осаждавшие двери аудиторий, где должен был выступать Аверинцев, так что порой он сам не мог попасть на свои лекции. Она отметила, что филология была для него путем, выходящим за пределы «серой пелены убожества», покрывавшей советскую действительность. Византийская эстетика в то время была нужна людям, как глоток воздуха. Сейчас — другое время, мы живем не в ситуации дефицита мировой культуры. Нужно ли сегодня кому-нибудь наследие Аверинцева? — поставила она в конце выступления тревожный вопрос.

По замечанию руководителя центра изучения религий РГГУ проф. Николая Шабурова, церковь и филология были для Аверинцева единым миром. Однако оба они начали отторгаться еще при жизни. С «осторожным оптимизмом» Н. Шабуров выразил надежду, что подобное отношение со стороны науки и церкви к наследию Сергея Сергеевича изменится.

Жорж Нива, отвечая на вопрос М. Селезнева, связан ли интерес к подлинному — вере, культуре — только с цензурой и го-

Жорж Нива

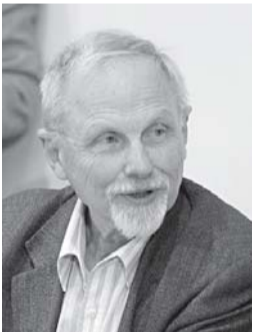
нениями, предложил различать дефицит культуры как внешнее обстоятельство и духовный голод как качество, конституирующее личность. «Не надо петь гимн чуме», — пошутил он. Но можно и нужно учиться испытывать духовный голод даже при внешнем изобилии.

Вечер воскресил памятное всем состояние последних лет советского периода, когда людей церкви и культуры объединяло общее стремление к свету и к просвещению. Почувствовалась общая солидарность в «аверинцевском» подходе и пути в культуре, во взаимном питании культуры и веры, которая помнится как норма жизни, к сожалению, сегодня уже не присутствующая в широком общественном сознании и опыте. Однако общение людей в этом контексте свидетельствовало о желании послужить возрождению и этого подходу, и общего дела просвещения.

Информационная служба СФИ

Хор Свято-Филаретовского института исполнил псалмы в переводе С.С. Аверинцева

Никита Алексеевич Струве, главный редактор журнала «Вестник Русского христианского движения», директор издательства «УМСА-Press» в Париже

Н.А. Струве: Мне очень хотелось участвовать в этом поминании Сергея Сергеевича. Мы были в каком-то смысле близки, хотя и не встречались настолько часто, насколько можно было бы, если бы мы жили в одном городе. Тем не менее, контакт установился с первого взгляда друг на друга. Это вообще была харизма Сергея Сергеевича: с какого-то момента (не нужно даже было многих слов, и это его отличало) устанавливалось внутреннее доверие, внутренний диалог. Правда, у нас были два общих пристрастия в литературной области. Одно русское — это Мандельштам (иногда здесь было некое соревнование между мной и Сергеем Сергеевичем, на что он порою намекал), другое французское — это Шарль Пегги, которого мы оба переводили.

Здесь уже упоминалась статья «Так почему же все-таки Мандельштам?» Эта статья говорит о Мандельштаме, но не меньше о самом Сергее Сергеевиче. Это не значит, что он ставит себя наравне с Мандельштамом, этого не могло быть ни в каком смысле. Но даже само заглавие статьи дано с типичным для Сергея Сергеевича юмором в высшем значении этого слова (а этот юмор не всегда бывает у ученых!) Я хотел озаглавить моё маленькое выступление «Ученость и простота», но обращаясь к этой статье, я бы скорее озаглавил его «Ученый и ребячество», потому что как раз в ней Сергей Сергеевич очень настаивал на ре-

бячестве Мандельштама — хотя мы можем с этим и не согласиться (и нужно не соглашаться, это как раз один из тезисов Сергея Сергеевича).

Тут есть методология, не совсем простая, основанная на филологическом, но на самом деле метафизическом, художественном противопоставлении двух видов: совершенного и несовершенного. Несовершенный вид — путь к художеству, а совершенный в силу своей законченности ему противоположен. Этого никто так не выражал, хотя эта мысль имеет под собой основание и была высказана несколько раз — но не с таким подходом, не в таком определении. Это тоже немного характеризует Сергея Сергеевича: у него подход всегда необычный. Благодаря этому даже через Мандельштама он определил самого себя, потому что его ученость довела, но не слишком, благодаря тому что он всегда ее хотел приблизить к чему-то простому, окрестить ее шуткой, показать ее незавершенность.

Я уже писал об одном из последних впечатлений о Сергее Сергеевиче: как он во дворе парижского Александрово-Невского собора, где мы встретились, читал на арамейском языке «Отче наш» нашей младшей внучке, которой тогда было два года. Но потом он, идя в кафе, продолжил это чтение с Марьей Александровной Ельчаниновой. Он понимал, что мы все можем оценить ученость, но ему было важно, чтобы арамейский текст «Отче наш» был обращен к ребенку. Он показывал не свою ученость, а святость слов первоначального языка. Что-то в нем было исключительное. Это не гениальность Мандельштама и других («святой четверице» (Пастернак, Ахматова, Цветаева, Мандельштам)). Это проявлялось в его подходе, в мелочах, в жизни (это не значит, что он всегда был безошибочным и что в этом подходе не было каких-то субъективных элементов), в его отношении не только к учености, но и к реальности, чтобы реальность не называлась ее непосредственными именами, а

всегда как-то со стороны, и не в совершенном виде. Но совершенство реальное, а не мнимое реализовалось у Пушкина и Мандельштама, когда художество, как сказано в этой статье, привело к трагическому, в каком-то смысле жертвенному концу: с одной стороны, к дуэли с Дантесом, а с другой — к стихам против Сталина. Это выражено им очень сильно, как, несомненно, внутренняя необходимость. Вот главное, что я хотел сказать.

М.Г. Селезнев: Я филолог, но Аверинцев никогда не был для меня представителем «чистой» науки, академической филологии. Для меня он был, прежде всего, Представителем (с большой буквы) христианской традиции и общечеловеческой культуры в их неразрывном единстве. Во многих выступлениях сейчас звучало сожаление, что Сергей Сергеевич и его наследие как-то уходят из пространства филологической науки. Я хотел бы поговорить о другом (что, может быть, для Сергея Сергеевича было бы значительно более значимым и грустным). Та жажда единения христианской традиции с общечеловеческой (словесной, в частности) культурой, которая возникала и выкристаллизовывалась в позднесоветское время, которая была лейтмотивом творчества Аверинцева — сегодня практически ушла из церковного пространства. Именно поэтому православная Россия, к сожалению, мало помнит Аверинцева и почти не издает его. (Я говорю не про Свято-Филаретовский институт, здесь Аверинцева помнят и любят, но это исключение, объясняющееся тем, что Свято-Филаретовский институт был связан с Сергеем Сергеевичем очень личными узами).

В те позднесоветские времена, которые многие из присутствующих еще помнят, у нас возникало ощущение, что христианская вера и традиция человеческой культуры (в самом широком смысле слова) срастаются и поддерживают друг друга — в общем противостоянии власти, равно без-

Михаил Георгиевич Селезнев, переводчик Священного писания, зав. кафедрой библиистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. Кирилла и Мефодия

божной и бескультурной. Сергей Сергеевич был зримым воплощением этого противостояния, этого интеллектуального и религиозного поиска, но такой поиск не был частным делом одного лишь Аверинцева. Да, действительно, огромные толпы людей собирались в аудиторию «на Аверинцева». Без него этих толп не было бы. Но я думаю, верно и обратное. Если бы не было этих толп, которые были готовы прийти, которых вопросы христианства и культуры реально волновали, то и Аверинцева не было бы.

Сейчас все иначе. Мы говорили о том, как мало студентов пришло на конференцию памяти Аверинцева. Для современного российского студенческого кампуса христианская культура оказалась так же не востребована, как она — еще задолго до того — оказалась не востребованной, скажем, в европейских университетах. Но, может быть, еще печальнее, чем секуляризация кампуса, для Сергея Сергеевича было бы то, что христианская культура оказалась, в общем-то говоря, не востребованной в Церкви. Достаточно посмотреть, какая литература продается в церковных лавках.

Вопрос: почему четверть века назад было иначе — или, по крайней мере, казалось, что может быть иначе? Неужели только потому, что и культура, и христианство вместе находились под гнетом единой репрессивной тоталитарной машины? И неужели действительно этот «брак» возмо-

жен только в условиях, когда все оказываются под единым гнетом, — а только лишь гнет исчезает, исчезает и возможность такого «брака»?

Другой вопрос. В ту пору многие приходили на лекции Аверинцева не только и не столько для того, чтобы услышать его самого, сколько для того, чтобы услышать в его изложении недоступные тогда вещи — Библию, святоотеческую традицию, средневековых и новоевропейских философов. Сейчас все эти тексты можно спокойно купить в книжном магазине. Феномен того духовного голода аудитории, который делал Аверинцева окном в недоступный мир — запрещенной религии, запрещенной философии и запрещенной культуры, — отсутствует. Но в тогдашнем религиозном дискурсе, в творчестве Аверинцева, в частности, происходило нечто такое, что не просто воспроизводило мысль предшествующих веков, а намечало что-то новое. Нужно понять, что такое творчество Аверинцева минус духовный голод той эпохи. Что своего, ранее неслыханного, было внесено Аверинцевым — и вообще позднесоветской религиозной мыслью — в историю христианской традиции? Это должно быть увидено, осознано, не должно остаться без продолжения...

И третья вещь, которая совсем недавно предстала передо мной во всей своей парадоксальности. Аверинцев и люди той поры писали в условиях советской цензуры, когда прямоговорение о религиозных вещах было невозможно. Нужно было о них говорить в каких-то «общечеловеческих словах». На тот момент это воспринималось как некий недостаток: вот, приходится переоблачать традицию в такие слова, чтобы оно прошло цензуру. И неожиданно я подумал: а быть может, эти цензурные ограничения делали (помимо воли цензоров, и даже помимо воли авторов) очень важную вещь, заставляя человека выражаться не на «благочестивом» церковном языке «благочестивой» дореволюционной поры, а на языке двадцатого века?

Все эти три вопроса сводятся, наверное, к одному. Нужно ли сегодня то, что религиозно-философские поиски позднего советского времени — в ситуации гонений, духовного голода, цензурных ограничений — пытались создать и нащупать? И если да, то как это передать?

А.И. Шмаина-Великанова: Я хотела бы подхватить то, что говорил Михаил Георгиевич. Сейчас было произнесено очень важное слово — «словесность». И мне кажется, что те проблемы, о которых мы говорили с самого начала, касающиеся отторжения Аверинцева филологическим сообществом или церковным, а с другой стороны, то, что мы сами начинаем тревожиться о том, что же он сделал нового и в какой мере возможно следующий шаг, — как-то могут разрешаться через понятие «словесности». Он, конечно, был филолог. Мы, наверное, все помним, как неожиданно в начале заключения к «Поэтике ранневизантийской литературы» он говорит: «Метафора — это прежде всего метафора, акростих — это акростих; литературовед перестает быть литературоведом, если ему не милы тавтологии этого рода». То есть сам себя он в первую очередь определял как литературоведа. Притом, если мы посмотрим на его литературоведческие штудии, мы практически не увидим прозы. Он исследовал, он «понимал», в его бессмертном выражении, поэзию, и мне кажется, что здесь есть некоторый ключ. Действительно, если мы будем ожидать, что, как в советское время, церковные люди будут говорить: «Ну, пусть существует эта культура; хотя, конечно, она лампадок зажигать не умеет, но хоть о чем-то хорошем напоминает, сердца умягчает». И люди культурные будут говорить: «Ну, вот, у Мандельштама «дароносца», хорошо, что он про церковь говорит, хотя кто его знает, где эта дароносца...» Культурные люди все равно кроме кардинала из «Трех мушкетеров» других епископов не знали, других церковных источников не использовали, но при этом относились с одобрением ко всему запрещенному.

Теперь же, когда та крышка, которая всех прихлопывала, снята и прошла эйфория по этому поводу, мы можем, я думаю, заметить, что такого рода добрососедские отношения церкви и культуры недостаточны. И из них ничего особенного не про-

Анна Ильинична Шмаина-Великанова, доцент РГГУ, преподаватель СФИ

изойдет. Новое, которое было, мне кажется, в понимании Аверинцевым поэзии, — это то, что не рядом они находятся, а одно в другом. И из этого может родиться следующий шаг. И я бы сказала, что новый шаг, новое действие Аверинцева — это «Старые песни» Ольги Седаковой. На этом примере мы можем видеть, что церковь и культура не подают друг другу приветливо руку, а что поэзия и христианство — это одно и то же. Исток у них один. Поэзия может быть, например, китайской (я не против даосизма), но вдохновение одно и то же. Как говорил в предсмертном письме Тургенев, «этот дар Вам отсюда же, откуда всё другое», не смея и на смертном одре называть это «всё другое» словами. Мне кажется, самое ужасное из того, что происходит, это не то, что не читают Аверинцева, а то, что поэзию не читают. Мы не смотрим в ту сторону, куда он указывал.

Наша задача, как мне представляется, ради него, ради продолжения его дела состоит не только в переиздании его книг, которое, разумеется, необходимо, а прежде всего в том, чтобы своей любовью научить других, что там источник, в этой его деятельности. Вот то, что я хотела сказать по поводу этого брака. Тут больше чем брак — тут деторождение.

Второе, что я хотела сказать, касается церковной ситуации. Рассуждения Михаила Георгиевича совершенно правильны. Но почему я возразила против того, чтобы «вынести за скобки» Свято-Филаретовский институт и его отношение к Аверинцеву как нехарактерное для общецерковной ситуации? Что, как мне кажется, говорит о будущем, что пророческого в этом?

На первый взгляд, трудно было представить себе человека более далекого от таких движений, как Преображенское содружество братств, чем Сергей Сергеевич, который не любил приглашать в гости, а сам, прожив две недели в некоем доме, не узнал потом хозяйку (*Общий смех*). То, что ему было дороже всего, это явно не то, что здесь происходило. Вряд ли перевод службы на русский язык сам по себе мог быть ему дорог, потому что он любил церковнославянскую поэзию, чувствовал ее, как и греческую, и уж меньше всего он мог в этом нуждаться, понимая очень хорошо оригинал. Основной аргумент молодых людей, приходящих в церковь: «мне непонятно, я хочу услышать по-русски», для него не звучал. Общественная вовлеченность не вызалась с его обликом, с его направлением. Тем не менее, он Преображенское братство выбрал, и выбрал сознательно. Я имею право говорить это как человек, не принадлежащий к братству, с моей стороны это не будет «покупайте в нашей лавочке». Его решение относится к области принесения плода, к области будущего. В настоящее время того, чего он хотел, в церкви очень мало. Но, высказавшись, встав на сторону Преображенского содружества, он встал на сторону будущего. И мне кажется, это тоже то, что мы можем увидеть у него нового. Здесь не прекратились ни цензура, ни гонения, и здесь христианство живет. Это можно, я думаю, воспринять как его прямое указание. Не обязательно Свято-Филаретовский институт, но обязательно быть там, где будущее. Где Церковь как община.

А.М. Копировский: Начиная с 70-х годов мы (о. Георгий раньше, я позже) начали читать книги и статьи Аверинцева, слушали его лекции. Я помню очень сильное впечатление от лекции в Политехническом музее. Аверинцев собрал полную аудиторию, такую же, как собирали известные поэты. Он рассказывал об античной культуре. Знакомые персонажи из «Мифов и легенд Древней Греции» Куна вдруг начинали жить другой жизнью. Было ощущение, что присутствуешь на акте открытия истины, что, наконец, слышишь правду, которая

составляет соль жизни. Евангелие говорит, что когда Христос обличал фарисеев, «все множество народа слушало Его с услаждением». У меня тогда тоже было ощущение, что народ слушает Сергея Сергеевича именно с услаждением, потому что все им сказанное было подлинным.

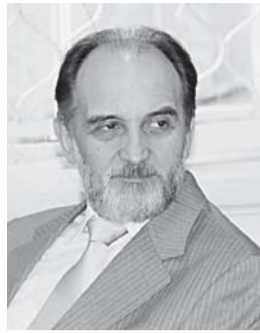
В нашем институте его очень любили и очень ценили. Все понимали масштаб его личности, а те, кто не понимал, быстро вразумлялись. Помню, как один молодой человек, ничтоже сумняся, попросил Сергея Сергеевича помочь с курсовой работой и сказал ему, назвав тему: «Вы мне не порекомендуете литературу?» Сергей Сергеевич глубоко задумался и спросил: «А на каких языках Вы читаете?» Легкомысленный вопрос как-то сразу снялся. Но когда он отвечал на твой вопрос, ты получал больше, чем спрашивал. Больше не только по объему, а в том смысле, что пробуждалась мысль, ты начинал по-новому думать. А значит, делать то, от чего большинство советских людей инстинктивно отталкивалось.

В соответствии с известными горько-ироничными строками Лермонтова: «Делюсь со мною тем, что знаю, / и благодарен буду я./ Но ты мне душу предлагаешь./ На кой мне черт душа твоя?», он, действительно, предлагал душу, а не готовые информационные блоки. Это не значит, что он раскрывался настежь, фамильярность ему была глубоко чужда, но открытость и теплота в общении у него всегда присутствовали. Своими знаниями он делился с удовольствием, «от избытка сердца». Он действительно мог с радостью читать маленькой девочке по-арамейски «Отче наш», а однажды, как рассказывали, стоял в центре Москвы, на улице Горького, и говорил: «Я всем хочу это прочесть». Это дух Евангелия — не стилизация его, а реальность.

Аверинцев никогда не был для нашего братства и института «брендом». Было видно, что ему у нас нравилось, он здесь чувствовал себя и вел себя очень органично, потому что мы его ни к чему не «припрягали». Наш журнал «Православная община», в редколлегия которого он входил, он читал полностью, где-то возражал, где-то поправлял. Громы и молнии тоже иногда были, но очищающие. Он участвовал в работе над переводами богослужения, хотя и вызывал этим недовольство со многих сторон. Потому что, считая занятия переводами большой ответственностью, был уверен: нельзя брать на себя гораздо большую ответственность — за бездействие. Когда были нападки на институт и на братство, он смело выступал в нашу защиту устно и письменно, вызывая недовольство и даже гнев сильных мира сего.

Конечно, есть чувство глубокой благодарности Богу за такого человека, благодарности ему самому. Его мемориальный вечер мы неслучайно назвали: «С.С. Аверинцев — энциклопедическое знание и мышление». Энциклопедизм мышления — что это? Это такая полифония, когда вещи, между собой ранее не встречавшиеся, при сопоставлении друг другу не противоречат. То, что логически сопрячь можно только каким-то особенно искусным философским ходом, у него сопрягались по-другому: одно просвечивало сквозь другое. Я очень люблю одну его фразу: что современность и древность, разные эпохи, «могут обмениваться вопросами, от которых вещи делаются прозрачнее». Это нельзя терять. Да, наверное, больше не будет энциклопедистов, но такой, как у Аверинцева, энциклопедизм мышления — как возможность непрерывных открытий, а не смешения всего со всем, и не постоянного противопоставления одного другому — должен быть глубоко изучен и воспринят.

Фото Дмитрия Писарева и Виктора Ложкова

Александр Михайлович Копировский, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин, ученый секретарь СФИ

Нам очень не хватает полного собрания сочинений Аверинцева

Интервью с проф. Жоржем Нива

— Аверинцев воспринимал отношения с другой культурой, другим временем не как исследование чего-то, а как живой диалог, как разговор. Как Вам кажется, что здесь важно, чтобы такой разговор с ним самим не превратился в какую-то стилизацию, в «исследование явления», а не общение?

— Мне кажется, что на этой конференции разговор с ним самим как классиком, как с автором продолжается. Но тут нужны его тексты. Чувствуется, что не хватает полного собрания сочинений с комментариями, собранными не по духовным критериям, а скорее, по филологическим. Есть те, кто сохраняет живую память об Аверинцеве, но приходят на смену другие, и они лишены пока конкретной возможности ознакомиться со всем объемом его текстов.

— Это так, ведь какие-то вещи опубликованы, а какие-то остались чуть ли не в архиве.

— Некоторые затеряны по журналам, можно их ловить по Интернету.

— Вы имеете в виду только русского читателя или иноязычного читателя тоже?

— Надо начать с русского издания. Надо подавать текст оригинала, чтобы другие издательства взялись за перевод.

— А на французский язык много ли переводили трудов Аверинцева?

— Насколько я знаю, мало.

— Почему? И есть ли в перспективе какое-то желание, стремление к этому? Люди, которые бы этим занимались?

— Это или религиозные издания, или филологические. Нужен проект и нужно, чтобы этот проект получил финансовую помощь. Но для филологического издания сейчас не найдется отважного. Религиозное издание возможно, но оно только для одного круга. И подбор текстов будет соответствующий. Впрочем, это касается не только Аверинцева. Многие зависит от случайностей. Если мы возьмем философов (Аверинцев ведь тоже отчасти философ), то Мамардашвили переведен. К нему интерес во Франции гораздо больший — просто потому, что кто-то взялся за это, убеждал и убедил. Если же мы возьмем коллег Аверинцева по филологии, например Вячеслава Всеволодовича Иванова, то он очень мало переведен. Он существует как живое лицо, когда выступает, но труды его не переведены. Топоров как таковой не существует во французском контексте. Можно было бы кое-что переводить, но я, например, не возьмусь. Это значит поднять гору, потому что издатели сейчас неохотно на это идут. Вот если бы кто-нибудь перевел сборник духовных стихов Аверинцева, его издать было бы легче. Всегда найдется маленький издатель, который влюбится в эти стихи и тогда их издаст (правда, это тоже не дойдет до широкой публики).

— И в этом смысле, Аверинцев ждёт переводчика, который поймёт его значение, увлечется им и захочет передать это другим?

— Да, но он его не получит, пока здесь, в России, не будет хорошего издания. Бывает, что кто-то начнёт большое издание без помощи издания на языке оригинала, но всё-таки это случается редко. Вся филологическая работа, подготовка, аннотации — естественней, чтобы это было сделано здесь. Надо говорить о тех людях, кто возьмётся за это из тех, кто знает Аверинцева. Абстрактно об этом говорить нельзя.

— Многие издательства начинали серию изданий, но не справились с этим по финансовым причинам.

— Я знаю, и это еще один параметр проблемы...

Вопросы задавали Александр Колымагин и Максим Деметьев

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ, ЧТЕЦ. ЧТЕНИЕ КЛЕМЕНСА БРЕНТАНО

Доклад Ольги Седиковой на конференции памяти С.С. Аверинцева

*Ich lass schon lang...<...>
Und wenn ich jetzt vom Buch
die Augen hebe,
Wird nichts befremdlich sein
und alles gross.
Dort draussen ist, was ich hier
drinnen lebe,
Und hier und dort ist alles grenzenlos.
R.M.Rilke. Der Lesende!*

Мне хотелось бы в качестве эпиграфа взять все это стихотворение Рильке («Читающий» в переводе Б. Пастернака «За чтением») целиком: в этом описании глубокого чтения (как бывает глубокий сон), внимания, уходящего в книгу, как в штольню, и возвращающегося наружу, к земле и первой звезде, я вижу фигуру С.С. Аверинцева, особенно того Аверинцева, которого мне встречать не пришлось, — мальчика, подростка...

Все мое сообщение представляет собой комментарий к словам Н.В. Брагинской. Сразу после кончины С.С. Аверинцева НВБ сказала о нем эти удивительные слова: «Умер великий русский читатель». Удивительные своей неожиданной правдой. Ведь это совсем не первое, что видели в Аверинцеве современники. В нем видели сказочного эрудита и блестящего ратора, ученого, учителя и проповедника. Однако сам Сергей Сергеевич в разговорах выражал желание, чтобы на его могиле было написано: «Сергей Аверинцев, чтец». Этот «чтец» — анагност — конечно, не читатель в обычном смысле. Это церковное служение, Сергей Сергеевич был посвящен в чтецы. Но интересно, что эту, самую скромную в иерархии клира ступень Аверинцев предпочитал считать последним словом о себе, не вспоминая других своих чинов и званий — таких, как доктор, академик (многих академий), лауреат (многих премий), «сенатор», наконец...<...>

В отличие от «современного читателя», который явился к шапошному разбору, когда текст уже отзвучал (поэтому ему и придается «оживлять» и «осовременивать» его) «идеальный читатель» входит в саму интенцию текста — потому что именно в нем текст завершается. Словесное произведение предполагается здесь не объектом, вещью в себе, а открытым и адресованным сообщением. Он завершается, когда это сообщение кто-то принимает. Это картина словесности как общения, а не как производства «текстов». Она, позволю себе с уверенностью сказать, реалистична. Любое высказывание обращается к нам: прохода мимо древних надгробий и читая на мертвом языке надписи: «Привет тебе, пунтик!» — мы слышим, как эта надпись завершается в нас. «Культуривированный читатель» в замысле знает все то, что знает филолог. И вместе с этим он стоит в позиции того, к кому текст обращен. Слова Н.В.Б. о великом чи-

тателе С.С. Аверинцеве имеют в виду, прежде всего, невероятную широту текстов и авторов, которые к нему обращались, которым было о чем с ним поговорить (не удивителен ли, в частности, и наш случай, Brentano? зачем бы филологу-классику, библисту и христианскому мыслителю этот странный романтик?). Но и еще одно качество в читателе предполагает великий: необычайный дар проникновения в слова и за слова, никогда не корыстный, никогда не употребляющий текст для иллюстрации собственных идей и концепций, не вчитывающий в автора то, что «мне» от него надо, и не зачеркивающий в нем то, что «мне» не надо. Образ читателя-исследователя в таком случае подобен идеально чистому зеркалу, в котором текст отражается без искажений, «как он есть»? Если бы текст был вещью, это было бы так. Но, как мы говорили, текста в каком-то смысле еще нет. Идеальный читатель дает тексту сказать то, что в нем потенциально. В этом «зеркале» отражается то, что не очень-то и видно, потому что не очень-то и есть в тексте: не данность текста, а его заданность — или, словами Мандельштама, его обещание:

*И все, что будет, — только
обещанье.*

Идеальный читатель противопоставлен «читателю современному» в характерном смысле этого слова. Но он никак не читатель «вневременной», читающий *sub specie aeternitatis*. Он читатель своего времени. Можно сказать, в его чтении читает само его время и место: читает то, что ему особенно нужно здесь и сейчас. Именно так Аверинцев читал Аристотеля — исходя из актуальнейшего чувства момента в отечественной истории, которой «роковым образом не хватало Аристотеля». Это не сужает чтения, наоборот: расширяет его. Внятным становится текст, который глубоко и неотложно нужен. Аверинцев — великий читатель и потому, что он в другом, серьезном смысле современен своему времени; его словами: «*времени нужны не те, кто ему, времени, поддакивает, а совсем другие собеседники*».

Наконец, перейдем к чтению Клеменса Brentano, то есть к вступительной статье Аверинцева в томике, составленном и прокомментированном им. Сколько таких чтений предложил Аверинцев — в энциклопедических статьях, в разнообразных вступлении к разным книгам, в написанных им главах в академических историях разных литератур! Жанр предисловия — не исследование, и в нем выбор позиции читателя кажется самым естественным. Однако статистически это не так. Предисловие (особенно предисловие советских времен) обычно совмещает в себе два жанра: энциклопедической справки и по-

вторя «общепринятых» мнений (что принято «объективно» знать о данном авторе) — и, одновременно, индоктринации («как правильно понимать данного автора»). Советское предисловие должно было «от-объяснить» (*explain away*) сомнительных с точки зрения идеологии и официальной эстетики авторов, то есть разрушить самую возможность непосредственного общения читателя с ним. Так, предисловие к «Новой Жизни» Данте (издание 1965 года) предупреждало, что всякие мистические и религиозные мотивы здесь совершенно несущественны, а важно то, что это еще недоразвитый, но уже возникший жанр психологического романа о первой юношеской любви. В комментарии к НЖ, мелкими буквами и в конце, Аверинцев (это была его первая опубликованная работа, совместно с А. Михайловым) ставил все на свои места и объяснял и библейские коннотации, и символику НЖ. Такова была принятая структура советского издания классики, трехслойный сэндвич. В третий, наименее читаемый слой помещалась реальная информация об авторе и тексте.

Во всех своих предисловиях Аверинцев виртуозно избегал второго задания предисловия (перевод на идеологический язык) и превращал первое, сообщение необходимых сведений, в увлекательную новеллу. Так и здесь выглядит очерк биографии и времени Brentano. Что же касается «общепринятых мнений», он их с удовольствием опровергал (здесь он смеется над расхожим мифом о Brentano как «великом неудачнике», поэте, не осуществившем свой дар). Но первая задача составителя тома названа сразу же: «Будем надеяться, что эта книга будет прочтена... так, как она того заслуживает, — как стихи, живые до крови, до боли, как в момент своего рождения». Он ведет Brentano к нам — и нас к Brentano. Он как бы поручается за его ценность — и мы верим ему. Скольких поэтов мы прочли только потому, что о них рассказал Аверинцев! Нужно признать, что воскресение Brentano ему все же не удалось. Время Brentano — в отличие от времени Гельдерлина — так и не настало, ни в мире, ни у нас.

Что Аверинцеву, читателю (как мы его пытались описать) важно в итальянском немце, в начале жизни — полуреетике и в конце — пылком католике в средневековом духе? Как во многих других случаях, прочитанных Аверинцевым: Brentano — фигура на перекрестке времен, на сломе. Он еще совсем близко к традиции — фольклорной, средневековой. Но он при этом больше связан с будущим, чем многие его прославленные братья-романтики — а будущее Brentano (наше настоящее, начавшееся уже довольно давно) для С.С.А. связано с переживанием пустоты и абсурда.

Можно предположить, что именно поэтому Brentano и не полюбит во времена господства этого чувства, как полюбили Гельдерлина. Уж это-то нам знакомо, и посильнее выражено. Очарование Гельдерлина для читателей наших времен — как раз в полном отсутствии у него этого знания о возможной пустоте и ничемности всего, полная невозможность абсурда даже в стихах, написанных в годы умственного помрачения. Поздний культ Гельдерлина — это наша ностальгия по чистоте и благородству, какие могут быть у поэта, по приветливой душе, которая со всей простотой благословляет мир: «святой Рейн», «святые холмы»... Больше такого не будет. Что-то случилось. Пустота — стигма XX века. Аверинцев ее знает, относится к ней всерьез — и не хочет ей поддакивать. Но в предчувствии ее у Brentano он видит не просто индивидуальную беду «великого неудачника», но пророческий дар, мучительный для того, кому он дан, как всегда мучителен пророческий дар. Он читает Brentano через опыт XX века и через близкое ему — но иноязычное — будущее: «оглядка на лиризм Верлена поможет найти подступы к лиризму Brentano».

И все же главная причина внимания Аверинцева к Brentano, как видно из предисловия, — сама словесная стихия его поэзии, небывалая звучность и сила его «щебечущего» стиха, которую он описывает как *умную* звучность. Звуковой повтор — скажет «профессиональный» филолог, и не найдет признаков, по которым можно различить «магическую» фонетику Эдгара По и бодрую игру звуков у Brentano. «Идеальный читатель» Аверинцев делает это различие не усумнясь. Описание фонетики Brentano, связывающее ее с древними народными песнями и средневековыми латинскими гимнами, блестяще. «Древняя, как человечество, стихия вопля и ритуального плача, безличная, как полагается стихии...» Мы видим, что читателю в действительности требуется знать куда больше, чем «специалисту»: какой германит будет, говоря о Brentano, рассуждать с толком о гимнах Аквинского и о лирике французских сюрреалистов? «Горизонт ожиданий идеального читателя почти необозрим.

Аверинцев не был бы великим читателем, и великим читателем поэзии в первую очередь, если бы ему, человеку, восстанавливающему репутацию рациональности и реабилитирующему схоластику и риторике (вещи, подорванные романтизмом), не была бы так внятна и дорога «древняя стихия» словесности, властная и неосмысляемая, умная, но не умственная: чудесная. В ее водовороте скорбь и страдание оказываются странной радостью —

Клеменс Brentano.
Рисунок Вильгельма Хенселя, 1819 г.

любимая тема Аверинцева: «Если так грустно, то почему так весело?»

*Alle Leiden sind Freuden,
alle Schmerzen Scherzen
Und das ganze Leben singt
aus meinem Herzen:
Susser Tod, susser Tod
Zwischen den Morgen —
und Abendrot!*

«Все страдания — радости, все беды — шутки И вся жизнь поет из моего сердца: Сладостная смерть, сладостная смерть Между утренней и вечерней зарей!»

А потому, в частности, весело, что *страдания* — *Leiden* — отлично рифмуются с *радостями* — *Freuden*, *беды* — *Schmerzen* с *шутками* — *Scherzen* и *сердцем* — *aus Herzen*. Древняя стихия плача не может без игры, она в нее переливается.

Так в Brentano звучит это вечное слово всякого поэта, слово о Радости-Страдании, о «жизни, и жизни с избытком», которая в полоумном ликовании поет: «Сладостная смерть!»

Читательский опыт Аверинцева о Brentano оборачивается опытом о природе поэзии вообще — и о природе поэта: существа, которое хочет ускользнуть, исчезнуть, быть никем, не оставить следа по себе. Тут Аверинцев вспоминает Цветаеву:

*Пройти, чтоб не оставит тени
На стенах... —*

и с широтой простотой сообщает читателю: «Поэты, они такие!»

А откуда он знает, какие они? Он знает это по себе. Потому что «идеальный читатель» — поэт. Не в том смысле, что он и сам может писать стихи. А в том, что читая, он открывает в себе поэта. Иначе поэзии не прочтешь.

Итак, что в конце концов делает читатель? Он — по древнему совету — познает себя.

*Dort draussen ist,
was ich hier drinnen lebe,
und hier und dort
ist alles grenzenlos.*

Полностью доклад
будет опубликован
в сборнике конференции.

¹ Я читал уже долго... <...> И если я подниму глаза от книги, ничто не окажется странным и все — великим: там, снаружи — то, что я проживаю здесь, внутри; и там и здесь оно безгранично.

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495)624-92-50
Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

Подписной индекс
в агентстве Роспечать —19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Александр Копировский,
Максим Дементьев, Елена Шевелева, Дмитрий
Матвеев, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова,
Ирина Зиновьева
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Межрегиональная общественная
организация «Культурно-просветительский центр
«Преображение»».
Газета издается с октября 2002 г.
© МОО «Культурно-просветительский центр
«Преображение»».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с
мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).
Телефоны распространителей
Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина),
(499)131-4769 (Ольга Филиппова), +7-905-553-6304 (Елена Гольгина),
(499)158-9116 (Валерия Волкова), (495)342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная);
США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Належда Макурина);
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Рязань: (4912)99-14-25 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: (4822)50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: (4872)37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована
Федеральной службой по
назору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС 77-38649
от 18 января 2010 г.
Отпечатано в типографии
«Эльф», г. Москва,
ул. Сушевский вал, д. 49.
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать
17 мая 2011 г. Время подписания
в печать по графику —9.00,
фактическое —9.00.
Дата выхода в свет 20 мая 2011 г.

ЛЮБОВЬ И КАШЕЛЬ НЕ УТАИШЬ

Чем отличается призвание к свидетельству каждого христианина от служения тех, кого мы называем миссионерами?

Из Евангелия мы знаем, что Христос посылает Своих учеников благовествовать о спасении. Но, глядя на современных православных христиан, бывает трудно определить, кто из них благовестует, а кто — нет, и что нужно сделать, чтобы стать миссионером. Попробуем в этом разобраться.

ЧТО ТАКОЕ МИССИЯ?

Само понятие «миссия» в церкви многоплановое и имеет много значений. Под миссией часто понимают просто присутствие церкви в этом мире. Например, стоит православный храм — все люди его видят, слышат перезвон колоколов, и это уже является миссией церкви в мире. Или миссией называют устройство миссионерами различных мероприятий на уровне приходов, епархий или всей церкви: это могут быть крестные ходы, просветительские встречи, лекции, миссионерские поездки и экспедиции. Большинство православных в нашей стране уверено, что миссия — это именно деятельность особого рода, которую ведут специально обученные люди — миссионеры, работники церковных структур — миссионерских отделов, священники, в крайнем случае — дьяконы (и лучше — монахи, чтобы им не мешала семья). Вот эти люди занимаются миссией, а все остальные — обычные прихожане. И если они регулярно исповедуются, причащаются, может быть, делают еще что-то хорошее, какие-то добрые дела, то этого достаточно, чтобы быть членом православной церкви. Человек ходит в храм, молится дома, соблюдает посты, жертвует на благотворительность — и вроде бы больше ничего не нужно, тем более, что его к большому и не призывают. И у таких обычных прихожан отношение к миссии довольно прохладное, даже если их совесть иногда тревожат слова Иисуса Христа из Евангелия (например: «Идите, научите все народы...» (Мф. 28:19)), то им не понятно, что делать, как делать и, главное, зачем делать.

Это ненормальная ситуация для церкви, ведь каждый христианин призван к свидетельству о Христе в мире. Чтобы ее исправить, церковь прилагает определенные усилия. Например, в Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви говорится о том, что приходской священник может давать прихожанам различные миссионерские поручения: дежурить в храме, участвовать в церковных конференциях, интернет-форумах, в теле- и радиопередачах, в благотворительных акциях, в миссионерских поездках, вести катехизаторскую работу (воспитательную миссию). Конечно, такие поручения потребуют пересмотра большинством православных христиан своего отношения к миссии, ведь многие христиане, которые в церкви уже давно, привыкли пользоваться дарами благодати только для себя и не воспринимают призывы к миссии.

Приведу в качестве примера один характерный случай из жизни: в разговоре со знакомым прихожанином одного большого прихода, я заметила, что у них на приходе есть много всего (там действительно есть воскресная школа, кружки, библиотека, лекторий, социальная работа), но нет миссии неверующим, и что это нехорошо. На что он мне возразил: «Зачем нам миссия? Нам не нужны новые прихожане, у нас храм и так — маленький и тесный. Вот вырастут наши дети и займут наше место, это и есть наша миссия». То есть, все мысли только о себе, своих и своем удобстве, и даже речи нет о сострадании и жалости к тем людям, которые Христа не знают.

Собор русских миссионеров: свт. Николай, архиеп. Японский, сщмч. Александр Хотовицкий, свт. Стефан Пермский, прп. Макарий Алтайский, свт. Тихон, патриарх Московский, свт. Иннокентий Московский со свв. равноап. Кириллом и Мефодием, просветителями славян

ПРИЗВАНИЕ И СЛУЖЕНИЕ

Возвращаясь к вопросу о сочетании призвания к свидетельству каждого христианина и служения того, кого мы называем миссионерами, можно вспомнить статью проф.-свящ. Георгия Кочеткова «Крещение Руси и развитие русской миссии». В ней говорится о том, что все христиане являются носителями Миссии Церкви — постоянного и общего для всех служения Церкви по распространению и утверждению духа христианства. Если человек уже считает себя христианином, тем более, если он крещен и является членом Церкви, то он призван быть свидетелем Христа в этом мире. Не всегда это может быть свидетельством именно словом, ведь проповедь может быть и без слов: если христианин изменяет образ своей жизни — оставляет грехи и становится более внимательным в отношении к ближним.

А служителем Миссии, собственно миссионером, является не каждый христианин, ведь для этого служения необходимы не только особые дары Святого Духа, но и обретение некоторых личных качеств, главным из которых является церковность, под которой понимается мера приобщения ко Христу и Его Церкви. Также особенностью миссионеров является то, что они сами благовествуют, но и призывают к этому других христиан, вдохновляют их на это, создают для этого условия. Миссия и ее продолжение — катехизация становятся главным делом в жизни христиан, имеющих это призвание от Бога, и все остальное в их жизни выстраивается уже вокруг этого служения. Это призвание, этот дар Духа тесно связан со способностью че-

ловека передавать другим опыт веры, опыт молитвы и опыт жизни в церкви в общении с живым, Воскресшим Христом, как это было у апостолов. Вспомним апостола Павла — хоть он и не видел Иисуса Христа во время Его земной жизни, как другие апостолы, но, тем не менее, пережил подлинную духовную встречу с Воскресшим Господом, и всю свою жизнь после этого он благовествовал.

В какой-то мере все христиане теперь повторяют духовный путь апостола Павла. Если человек активно распространяет этот духовный опыт, свидетельствует о нем, живет в соответствии с ним, то он вовлекает в это движение Духа Святого других людей. Вокруг миссионера происходит собиранье людей, объединение их. Причем это собиранье принимает разные формы в разные периоды истории Церкви. Например, мы можем вспомнить о духовном движении, связанном с именем преподобного Сергия Радонежского, о просветительном значении огромной сети общежительных монастырей, основанных его учениками и продолжателями на диких, необжитых землях Северо-Западной Руси. Или созидание целой поместной церкви в Японии трудами святого равноапостольного Николая (Касаткина). Или просвещение северных народов святителем Иннокентием Московским, который не только проповедовал им Христа, но и заботился о развитии миссии во всей церкви. Например, для координации миссионерской деятельности и помощи миссионерам на местах им было создано Православное миссионерское общество, сыгравшее большую роль в просвещении русского народа.

УЧА ДРУГИХ — УЧУСЬ И САМ

Интересно, что миссия, направленная на просвещение иноверцев, одновременно всегда оказывала и мощное просвещающее и возрождающее действие внутри церкви, оживляло всю церковную жизнь. Миссионерам во время проповеди становилось очевидно, что и крещеные православные люди свою веру знают очень плохо и по ней не живут, и ими принимались меры по просвещению и уже крещеных, но не наученных вере людей. Вот интересный факт церковной истории: книга святителя Иннокентия Московского «Указание пути в Царствие небесное», написанная им на алеутском языке в миссионерских целях, затем была переведена на славянский и русский и потом 17 раз (!) переиздавалась, потому что пользовалась огромной популярностью в народе, настолько верно и просто в ней были изложены основы православной веры, молитвы и жизни.

Вообще для организации миссии нужна некоторая церковная инфраструктура: средства на издание просветительной и миссионерской литературы, на открытие миссионерских станций, на создание миссионерских школ и других учебных заведений, чтобы в них могли учиться люди, способные других научить христианской вере. Ведь духовное образование позволяет миссионеру служить более качественно, приносить большие плоды. Известно, что все прославленные церковью миссионеры имели не только глубокую веру и богатый церковный опыт, но были очень образованными для своего времени людьми — владели несколькими языками, хорошо знали Священное Писание, изучали культуру и историю народов, которым они благовествовали. Например, святой равноапостольный Кирилл, просветитель славян, получил великолепное образование (с 14-летнего возраста воспитывался с сыном императора), был библиотекарем соборной церкви и преподавателем философии. Образование и культура помогали миссионерам передавать и традицию, и сам дух христианства, дух жертвенной любви более полно, без искажений, и соответственно, плоды такой миссии были велики.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХРИСТЕ?

Многим это может показаться странным, но для свидетельства о Христе не нужно иметь специального богословского образования, не нужно даже глубокого знания всех тонкостей догматического богословия. Как мы знаем из истории церкви и из современной практики, свидетельствовать о своей вере и приводить других людей ко Христу и в церковь могут даже оглашаемые, и даже некрещеные люди, уже обретшие веру. Они уже могут свидетельствовать о том пути, который перед ними открывается, и звать на этот путь других людей, своих друзей, соседей, родственников. Вспомним пример самарянки из Евангелия (Ин 4:4-42), которая после обретения веры во Христа так захотела всем о Нем рассказать, что тут же, бросив свой водонос, побежала в город и привела ко Христу толпу людей. Для такого живого свидетельства достаточно иметь веру во Христа и желание поделиться этой верой, этой радостью с другими людьми. Потому что верующий человек жалеет людей, которые страдают в этом мире от страхов и одиночества, которые не знают радости освобождения от идолов и обретения веры в живого истинного Бога, не знают о победе Иисуса Христа над смертью, не знают новой жизни. И христиане, только что

Любовь и кашель не утаишь

Окончание. Начало на с. 1

эту веру обретшие, часто стремятся тут же поделиться ею со всеми.

Для миссионерского служения, кроме сострадания к людям, важна ещё живая связь с церковной общиной, потому что миссионер сам по себе, без молитвенной и материальной поддержки церкви, служить не сможет. До отъезда в миссионерские путешествия любой миссионер, как правило, был связан с какой-то конкретной церковной общиной, приходом, или даже жил несколько лет в общинном монастыре, как преподобный Макарий (Глухарев), который и на Алтай поехал с помощниками, и после поддерживал связь с Глинской пустыней. Мы знаем, конечно, случаи из истории церкви, когда всего один миссионер приезжал в другую страну или в другую область страны, где нет христиан (например, святитель Стефан Пермский, просветитель зырян), и вокруг него собирались люди, которые строили храмы, открывали школы... Кстати, создание огласительных училищ, миссионерских школ для научения новых миссионеров и катехизаторов — это один из характерных признаков служителей Миссии, миссионеров по призванию. Мы знаем из истории, что у них всегда есть ученики, друзья, помощники, последователи, которые продолжают их дело, есть школа, то есть всегда формируется некая структура для накопления и передачи духовного, церковного опыта свидетельства о Христе в определенном месте в определенное время.

И МИРЯНЕ, И СВЯЩЕННИКИ, И ЕПИСКОПЫ...

Интересно, что в разные периоды церковной истории у церкви менялись формы свидетельства, или, более научным языком — менялись методы миссии. Например, в раннехристианский период, в период гонений, каждый человек делал сознательный выбор при вступлении в церковь и в нее практически не попадали случайные люди. Человек, принимая Христа как Спасителя, вступая в церковь как в общину Христовых учеников, всерьёз менял свою жизнь в соответствии с учением Христовым, стремясь исполнить Его главную заповедь о жертвенной любви. А такое изменение жизни, естественно, приносило обильные миссионерские плоды, потому что у уверовавших во Христа язычников изменялось отношение к другим людям, оно становилось милосердным. Как говорили древние римляне: «Любовь и кашель не утаишь» (Amor tussisque non celantur), если в сердце человека появляется жертвенная любовь, то её, действительно, не утаишь, она обязательно проявляется в повседневной жизни. Конечно, в основе христианской веры лежит апостольская пасхальная вера в Воскресение Иисуса Христа, именно эта вера даёт основания для самоотверженной любви, для любви до конца. Даже угроза мучений и смерти тогда не может помешать свидетельству о Христе. Потому что, если смерть действительно побеждена, то можно уже не заботиться о себе, можно не переживать за своё имущество, за своё время, за свою жизнь, можно распоряжаться ими во славу Божию, и главное — можно жить вместе по

Евангелию, любить братьев и сестер. И тогда евангельские заповеди Христа начинают воплощаться в жизни и каждого христианина, и церковной общины.

Как мы знаем, все живое растет и развивается, поэтому миссия являлась и является самым первым и самым верным признаком нормальной, здоровой церковной жизни. Но в самом начале бывает очень трудно поверить в возможность именно такой жизни, и людям нужен пример, нужен друг-христианин, нужна общность людей, жизнь которых основана на ином принципе, на принципе бескорыстной любви.

В раннехристианское время свидетельство было преимущественно личным, от человека к человеку, а во времена христианских империй, когда в христианскую веру обращались целые племена и народы, большую роль в миссии имело служение епископов-просветителей. Они сами много проповедовали, искореняли языческие суеверия, ереси, особо заботились о том, чтобы было научение народа вере, его просвещение. Вспомним святителя Иоанна Златоуста, который до того, как стать патриархом Константинопольским, был в Антиохии пресвитером-катехизатором. Мы можем сейчас прочитать его замечательные огласительные гомилии, с которыми он обращался тогда к оглашаемым и просвещаемым. Он проповедовал им покаяние, то есть призывал к качественному изменению жизни.

Во времена Иоанна Златоуста, как мы знаем из церковной истории, гонения закончились и люди приходили в церковь массово: на Пасху и другие праздники число крещаемых в таких крупных городах, как Антиохия или Константинополь, доходило до нескольких сотен и тысяч. Конечно, в таких условиях невозможно было проводить тщательную предкрещальную катехизацию (на посткоммунистическом пространстве и у нас в стране похожие условия были в 90-х годах XX века), и катехизация постепенно становилась формальной. Поэтому и епископам, и священникам приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы люди уже после крещения, уже после вхождения в церковь, жили бы по-христиански. Тот же святитель Иоанн Златоуст в своих проповедях в Константинополе, обращенных уже к крещеным, обращает их в немилосердии, в равнодушии к чужому горю, в грубости, жестокости, угнетении бедных, слабых — такие проповеди для христиан (!) трудно себе представить, например, во II веке, проповеди такого содержания были бы тогда обращены к язычникам. Таким образом, у святителя Иоанна Златоуста мы видим пример воспитательной миссии (катехизации). В связи с этим мы можем вспомнить и имена российских святителей — Леонтия Ростовского, Геннадия Новгородского, Тихона Задонского, Филарета Московского, а также епископа-катехизатора Макария (Опоцкого), который проповедовал и просвещал народ в труднейших условиях гонений со стороны коммунистической власти. И не случайно именно епископов церковь прославляет в чине «святителей», ведь епископ отвечает перед Богом за то, чтобы церковь в его епархии росла количественно за счет миссии и просвещения, и качественно — за счет катехизации и духовного образова-

ния, за счет созидания общин, братств. Из наших современников можно привести в пример миссионерскую деятельность архиепископа Анастасия (Яннулатоса) в Африке и его огромную работу по возрождению церковной жизни в Албании сейчас.

В наше время, которое не случайно называют «постхристианским», все члены церкви — и епископы, и священники, и миряне — могут применять все известные методы миссии. Мы знаем из истории церкви, что проповедовать Евангелие везде было нелегко, потому что призывать к покаянию и являть пример новой жизни во Христе, то есть жизни в духе сострадательной, жертвенной любви всегда трудно. И в деле миссии, как нигде больше, нельзя ограничиваться только призывами, необходимо применять древний христианский принцип: «Начни с себя». На первый план сейчас снова выходит личная миссия, как это было в первые века истории христианства, ведь создание христианских империй в современном глобализованном обществе невозможно, а значит — возрастает роль миряна в деле миссии. Ведь для того, чтобы сейчас свидетельствовать о Христе, чтобы быть миссионерами, вовсе не нужно бросать свою работу, все свои занятия, оставлять семью, детей и ехать проповедовать в далекие страны. Вокруг нас множество людей, нуждающихся в спасении здесь и сейчас. Часто это наши коллеги по работе, наши друзья, родственники, то есть те люди, с которыми мы общаемся почти ежедневно. И если мы не захотим, не сумеем передать им то, что есть у нас, эту многоценную жемчужину веры, то мы и в дальних странах ничего не сможем сделать. Конечно, если все вокруг нас уже станут православными христианами, то тогда можно отправляться с миссией «до предела земли» (Деян 1:8).

Что же касается профессии, то христианину возможно реализовать свой миссионерский дар в любой профессии. Например, есть такая профессия, как милиционер (их недавно переименовали в полицейских), и один мой знакомый молодой человек, работавший обычным сотрудником милиции, начав проходить катехизацию, всерьез принял для себя заповеди Божьи и перестал не только курить, но и врать. Он, к примеру, перестал подписывать «липовые» протоколы, хотя все так делали, и это оказало сильное влияние на его коллег: начальство сразу стало относиться к нему с подозрением, а приятели-милиционеры сначала подшучивали, а потом — зауважали за твердую позицию, стали распрашивать его о вере. Есть также врачи-гинекологи, которые именно из-за своей христианской веры принципиально не делают аборт. Я специально привожу такие, казалось бы, крайние случаи, чтобы показать, что профессиональная деятельность не является препятствием для свидетельства. И кто знает, может быть, опыт такого обычного, простого, повседневного свидетельства делами, иным образом жизни, послужит для многих православных христиан началом их служения миссионера, раскрытию их личного дара от Бога.

Наталья Адаменко
Информационная служба
Преображенского братства

Издательство Московской патриархии и Якутская епархия выпускают полное собрание сочинений святителя Иннокентия (Вениаминова)

Полное собрание сочинений святителя Иннокентия (Вениаминова) в семи томах будет издано в ближайшие годы, сообщает сайт Издательства Московской патриархии. Соответствующее соглашение между Издательством Московской патриархии и Якутской и Ленской епархией было подписано 15 апреля 2011 года в Якутске.

Протоиерей Владимир Соловьев выразил надежду, что читатели смогут приобрести первые тома собрания сочинений уже в этом году. «Посредством тесного сотрудничества Якутской епархии, Департамента по делам народов и федеративным отношениям и Издательства Московской патриархии работа над таким важным для Республики и всего православного мира трудом будет активно продолжаться, и уже осенью мы будем держать в руках первые тома такой ценной книги», — отметил о. Владимир.

Благовест-инфо

За последние 111 лет число христиан на африканском континенте увеличилось в 70 раз

Согласно исследованию The Pew Forum on Religion & Public Life за 111 лет религиозный ландшафт на «черном» континенте к югу от Сахары резко изменился. По состоянию на 1900 год и мусульмане, и христиане были относительно небольшим религиозным меньшинством в регионе. Подавляющее большинство жителей практиковали традиционные африканские религии, в то время как приверженцы христианства и ислама в совокупности составляли менее четверти населения.

С тех пор число мусульман, живущих между пустыней Сахарой и мысом Доброй Надежды, увеличилось более чем в 20 раз — с 11 млн в 1900 году до 234 млн в 2010 году, а христиан примерно в 70 раз — с 7 млн до 470 млн. К югу от Сахары в настоящее время проживает около одной пятой всех христиан в мире (21%) и более чем одна седьмая мусульман (15%). Таким образом, в этом регионе значительно изменилось соотношение религий: с 76% до 13% приверженцев традиционных африканских культов; с 9% до 54% христиан и с 14% до 29% мусульман.

Хотя к югу от Сахары почти в два раза больше христиан, чем мусульман, в целом на африканском континенте положение двух религий примерно одинаково — 400–500 млн у каждой. В северной Африке сильно мусульманское влияние, а в южной части материка — христианское.

Успех христианства объясняется деятельностью благо-

творительных миссионерских организаций, которые занимались широким кругом проблем — от борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИДа и голодом до создания образовательных школ и университетов.

Авторы исследования замечают ряд парадоксов. Многие африканцы, глубоко приверженные исламу или христианству, сохраняют практики традиционных африканских религий. Многие поддерживают демократию и говорят, что люди из других религий могут свободно исповедовать свою веру, но в то же время выступают за принятие заповедей Библии или законов шариата на конституционном уровне. Одновременно мусульмане и христиане признают положительные качества друг друга, но напряженность во взаимоотношениях между ними сохраняется, т.к. одновременное усиление ислама и христианства зачастую приводит к религиозным конфликтам.

Седмица.ру

В Русской церкви считают, что неверие россиян в жизнь после смерти — следствие советской пропаганды

В Московском патриархате не удивлены, что большинство россиян не верит в воскресение после смерти. «На мой взгляд, полученные в ходе опроса цифры во многом отражают нашу сегодняшнюю ситуацию. Мы давно говорим о том, что большинство россиян сегодня идентифицируют себя с православием, но это — культурная идентичность, а не собственно религиозная», — заявил глава синодального Информационного отдела Владимир Легойда, которого цитирует исследовательская служба «Среда».

По заказу этой организации фонд «Общественное мнение» провел весной 2011 года опрос, в ходе которого лишь 26% (против 54%) респондентов согласились с мнением, что после смерти существует возможность воскресения. Идентифицирующие себя с православием чаще представителей других вероисповеданий склонны верить в воскресение (31%). Однако даже среди них оказалось много ответивших отрицательно (46%).

Как отметил В. Легойда, многие люди «действительно ничего не знают о вере». По его словам, у тех, кто говорит, что не верит в воскресение, загробную жизнь, представление об этой жизни может складываться «по сохранившимся в памяти еще с советских времен карикатурам на рай и ад в журнале “Крокодил”, в которых “рай” — это длинный нудный коммунизм в стиле четвертого сна Веры Павловны, а “адская жизнь” — сквородки, на которых черти вилами колот грешников».

«Но в такую загробную жизнь и не стоит верить — она к христианству имеет мало отношения. Поэтому ответы в исследовании могут быть не в последнюю очередь связаны с представлениями большинства о загробной жизни. Если бы людям был задан вопрос: “верите ли вы в бессмертие души?” — убежден, мы получили бы другой процент», — заявил представитель Церкви.

Интерфакс-религия